

K1514593

ГУРА В. В.

Доцент, кандидат филологических наук

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ВТОРОЙ КНИГИ РОМАНА М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»¹⁾

1.

К концу 1927 года определились решающие успехи социалистической индустриализации нашей страны. Необходимо было подвести социалистический базис под отстававшее сельское хозяйство, стать на путь объединения мелких крестьянских хозяйств в крупные социалистические коллективные хозяйства.

Решения XV съезда партии (декабрь 1927 г.) призывали отразить и в литературе рост и укрепление социализма в стране. Л. Леонов, М. Шагинян и другие писатели именно в это время приступили к работе над произведениями об индустриализации страны. Обратилась литература и к художественному отражению острой классовой борьбы в деревне, к показу крушения индивидуалистической психологии среднего крестьянина, становящегося на путь коллективного хозяйства. В связи с борьбой партии за дальнейший культурный подъем трудящихся, проблема переделки человеческого сознания в духе социализма становилась особенно актуальной. Партия при-

¹⁾ Настоящая статья представляет часть работы «Творческая история романа М. Шолохова «Тихий Дон», в которой последовательно рассматривается процесс создания первоначального текста романа в полном его объеме, а также история печатных редакций этого произведения. Статья является продолжением ранее опубликованных работ: «Донские рассказы — предистория «Тихого Дона» (Ученые записки Вологодского Госпединститута им. В. М. Молотова, 1950, т. VII (филологический), стр. 137—193), «История создания первой книги романа М. Шолохова «Тихий Дон» (Ученые записки Вологодского Госпединститута им. В. М. Молотова, 1953, т. XII (филологический), стр. 205—303).

зывала писателей правдиво, исторически-конкретно отражать действительность — в ее революционном развитии, во всех ее противоречиях. Громадное значение для укрепления метода социалистического реализма в советской литературе имели указания партии о необходимости видеть перспективы нашего развития.

Эти задачи во весь рост вставали и перед Шолоховым, работавшим в то время над окончанием второй книги «Тихого Дона». Молодой писатель принимает активное участие в общественной жизни. В 1928 году он входит в состав редколлегии журнала «Октябрь», избирается в Совет федеративного объединения советских писателей, участвует в работе I Всесоюзного съезда пролетарских писателей, внимательно следит за всеми литературными событиями. Однако Шолохов, как и другие крупные советские писатели, был далек от групповщины, не разделял административного восторга рапповских руководителей. Ложные «теоретические» установки рапповских ортодоксов не находили отражения в творчестве автора «Тихого Дона». Он с ненавистью говорил впоследствии о заправилах РАППа: «это были, попросту, паразиты, присосавшиеся к живому, полнокровному организму советской литературы»¹⁾.

На открывшемся в мае 1928 года I Всесоюзном съезде пролетарских писателей Шолохов был делегатом от МАППа и, конечно, ознакомился с основными положениями доклада А. Фадеева на съезде. А. Фадеев подверг резкой и справедливой критике идеалистические взгляды на искусство, разбил вредные утверждения «перевальцев» об интуитивности, подсознательности искусства, разоблачил сущность лефовской «теории» «литературы факта», как теории отрицания искусства. В формулировке задач советской литературы А. Фадеев допустил ряд ошибок, использовав неприемлемые положения рапповцев о «живом человеке», о так называемом «диалектико-материалистическом творческом методе». Несмотря на это, он совершенно правильно говорил о необходимости отказа от схематического изображения советского человека и призывал рисовать его «во всей сложности и многообразии», советовал учиться этому у мастеров русской классической литературы.

¹⁾ М. Шолохов. Речь на XVIII съезде ВКП(б). «Правда», 1939, 20 марта, № 78, стр. 8.

Фадеев утверждал, что советский писатель не может «брать человека, как некую одиночку, независимо от целого, в котором он находится», а должен показать через художественные образы «весь исторический процесс общественного движения и развития»¹⁾. «... Отражение общественных процессов в психике каждого отдельного человека, — говорил А. А. Фадеев, — происходит не путем прямолинейным, механическим, а здесь происходит чрезвычайно сложный диалектический процесс взаимодействия человека со средой; ... нужно учитывать, что человек подвергается одновременному воздействию самых различных классов, что находит отражение в его психике»...²⁾.

Выступая проводником политики партии в литературе, А. Фадеев призывал писателей учиться у самой жизни, овладевать марксизмом. Он указывал, что только марксистское мировоззрение позволяет писателю правдиво изобразить жизнь, «дать целостную картину мира»³⁾.

Вместе с передовыми советскими писателями Шолохов шел по пути овладения методом социалистического реализма, изображения действительности в ее революционном развитии. Найти верную дорогу ему помогали указания партии, социалистическая действительность, вносящие коррективы в его работу по воссозданию героической борьбы революционного народа в годы гражданской войны, которая и была в центре внимания писателя, создававшего вторую книгу «Тихого Дона».

Формированию творческого метода Шолохова способствовало настойчивое и глубокое освоение литературного наследия прошлого. Продолжая лучшие традиции великой русской литературы, он вместе с передовыми советскими писателями утверждал в нашем искусстве метод социалистического реализма. В их произведениях впервые рисуются характеры, типы трудящегося народа как борца за социализм. Партия не раз указывала на это принципиальное своеобразие искусства социалистического реализма. На I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году А. А. Жданов говорил: «Нет и не было никогда литературы, которая кладет в основу тематики

¹⁾ А. Фадеев. Столбовая дорога пролетарской литературы. Л. «Прибой», 1929, стр. 11—12. Разрядка А. А. Фадеева.

²⁾ Там же, стр. 57.

³⁾ Там же.

своих произведений жизнь рабочего класса и крестьянства и их борьбу за социализм»¹⁾).

Место Шолохова в советской литературе, связи писателя с ее крупнейшими мастерами определяются единством их мировоззрения, борьбой за торжество эстетических принципов новой, советской литературы, которая с самого начала складывалась как литература о героической борьбе народных масс за свое освобождение. Развитие литературы социалистического реализма шло в плане всё более глубокого проникновения в исторические закономерности движения народных масс, в их судьбы. Борьба трудового народа, особенно в эпоху социалистической революции, определила развитие героико-эпической линии в литературе.

Творческий опыт Горького, изображавшего неизбежность гибели собственнического капиталистического мира под ударами революции, рисовавшего рабочий народ как активного творца истории, как участника революционного переустройства жизни, оказал громадное воздействие на складывавшуюся молодую литературу социалистического реализма. В исторической эпопее «Жизнь Клима Самгина», над которой Горький работал в советское время, ярко нарисована грандиозная панорама действительности предреволюционной поры, прослежено поступательное движение истории. Обнажая социальную сущность самгинщины, индивидуализм, опустошение и бесславную гибель порывавшей с народом буржуазной интеллигенции, Горький утверждал вместе с тем закономерный переход народных масс, руководимых Коммунистической партией, к сознательному и активному участию в борьбе за свое освобождение.

Автор «Тихого Дона» внимательно следил за развитием современной ему литературы, опирался на творческий опыт ее основоположника. Выступая с речью о Горьком в станице Вешенский, Шолохов особенно подчеркнул горячую любовь Горького к человеку-борцу за светлое будущее, его пламенную ненависть к эксплуататорам²⁾).

Горький учил советских писателей (и это было близко Шолохову) изображать человека в его борьбе за

1) А. А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире. М., ГИХЛ, 1934, стр. 8.

2) «Молот». Ростов н/Д., 1936, 23 июня, № 4519.

социализм, отражать в ярких художественных образах процесс формирования и роста социалистического сознания масс. «Героем наших дней, — утверждал Горький, — является человек из «массы»... На массу, на воспитание в ней таких героев и должно быть обращено главное внимание»¹⁾).

Такому пониманию проблемы героя Шолохов учился у Горького. Обратившись к показу борьбы широких народных масс и их путей в условиях социалистической революции, он вслед за Горьким рисует в «Тихом Доне» эпоху пролетарских революций, строит произведение на глубоких социальных конфликтах, раскрывает характеры героев в связи с показом хода исторических событий, определяющих их судьбы.

Приступая в 1925 году к работе над «Тихим Доном», Шолохов опирался не только на горьковский опыт эпического изображения революционной действительности. В советской литературе к этому времени были уже созданы значительные произведения о путях народа в новую социалистическую эпоху. Писатели, пошедшие по пути Горького, овладевали методом социалистического реализма, утверждались на его позициях.

Широкий размах социалистического строительства, наступивший вслед за окончанием гражданской войны, породил многообразие тематики советской литературы. Писателей особенно привлекало участие народов в революции и гражданской войне. В изображении героизма борющихся масс, роста их сознательности и организованности были достигнуты значительные успехи еще до опубликования романа Шолохова «Тихий Дон».

Особенно выделились в нашей литературе романы «Чапаев» (1923) Д. Фурманова, «Железный поток» (1924) А. Серафимовича, «Разгром» (1927) А. Фадеева. Фурманов изображает процесс воспитания масс партией, Серафимович, создавший вслед за ним «Железный поток», стремится прежде всего раскрыть, как из стихийного, вначале плохо организованного потока крестьянской массы, рождается сознательная боевая сила, сплоченная единой целью. Он показывает рост революционной сознательности масс как результат их собственного опыта борьбы.

¹⁾ М. Горький. Собр. соч., в 30-ти томах, т. 25, М., Гослитиздат, 1953, стр. 28.

Героические события, связанные с судьбами революционного народа, прошедшего через все трудности с верой в победу, определили размах эпопеи Серафимовича.

Идейная близость, питавшая творческую дружбу авторов «Железного потока» и «Тихого Дона», позволила Шолохову сказать: «Серафимович принадлежит к тому поколению писателей, у которых мы, молодежь, учились»¹⁾. Автор «Тихого Дона» считал, что «первым по времени большим произведением о гражданской войне» явился «Железный поток», «стоящий в ряду лучших произведений советской литературы»²⁾.

Эпопея Серафимовича, как и роман Фурманова «Чапаев», была близка Шолохову талантливым изображением путей широких народных масс к социализму, показом их духовного возрождения в процессе революционной борьбы, раскрытием влияния революционных событий на сознание различных социальных групп и прежде всего на сознание бедняцкой массы крестьянства.

Горький указывал, что гражданская война, «отрезвляя народ от различных иллюзий, создавала и создала в нем новую психику»³⁾. Опираясь на большой жизненный материал, Шолохов и стремился передать в «Тихом Доне» на примере судеб донских казаков «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции»⁴⁾. На богатом конкретно-историческом материале писатель развивал мысль о том, как события войны и революции способствовали росту сознания народа, вызывали огромные сдвиги в его психологии. В силу специфики жизненного материала, Шолохов особенно пристально прослеживал в «Тихом Доне» сложность путей казачества в революционную эпоху и вместе с тем закономерность прихода его трудовой части к социализму.

Мысль создать роман о путях народа в революции возникла у Шолохова еще в годы работы над донскими

1) М. Шолохов. Писатель-большевик. «Известия», 1938, 18 января, № 16, стр. 8.

2) Там же.

3) М. Горький. Собр. соч. в 30-ти томах, т. 24, М., Гослитиздат, 1953, стр. 286.

4) М. Шолохов. К английским читателям. Предисловие к роману «Тихий Дон», 10 июня 1934 года, Вешенская. Архив ИМЛИ, фонд М. А. Шолохова.

рассказами. «Хотелось написать о народе, среди которого я родился и который знал», — говорил Шолохов. Этот замысел писателя был обусловлен, с одной стороны, размахом революционных событий, величиёй народной борьбы, самой действительностью, вызвавший народ к активной жизни, с другой, — тем интересом к судьбам народа, который был уже проявлен зачинателями советской литературы.

Метод социалистического реализма впервые ярко раскрылся в произведениях, рисующих революционную борьбу народа на широком общественно-политическом фоне сложных революционных событий. Для первых романов социалистического реализма характерен углубленный историзм повествования. Но если в самых ранних произведениях советской литературы народ олицетворялся преимущественно в образе массы, взятой в целом, без четкой индивидуализации ее отдельных представителей («150.000.000» В. Маяковского, «Падение Даира» А. Малышкина и др.), то в «Чапаеве» Д. Фурманова, «Разгроме» А. Фадеева судьбы народа раскрываются не только через групповой портрет масс, не только в массовых сценах, а прежде всего в индивидуальных характерах целой галереи рядовых представителей народа, совокупность которых и представляет образ народа в произведении. Рисуя типические характеры представителей народных масс, писатели стремились глубже передать внутренний мир каждого из них, мысли, чувства, поступки, участие их в борьбе, изменения в психологии, настроениях, сознании. Судьбы отдельных представителей народа раскрывались в зависимости от их отношения к народу, от их поведения в революционную эпоху.

Если А. Н. Толстой, создавая роман «Сестры» (1922), вошедший затем в трилогию «Хождение по мукам», изобразил преимущественно семейно-бытовые отношения честной, но далекой от народа интеллигенции, то уже вторая часть трилогии — роман «Восемнадцатый год», появившаяся в печати в 1927 году, как раз во время широко развернувшейся работы Шолохова над второй книгой «Тихого Дона», посвящена изображению судеб родины и народа. Толстой расширяет рамки повествования, рисует картины героической борьбы народных масс в годы гражданской войны, связывая пути своих героев-интеллиген-

гов с большими историческими событиями, с движением народных масс в революции.

По этому же пути расширения повествования шел и автор «Тихого Дона». Принося в литературу свой опыт жизни, свою индивидуальность, Шолохов обогатил традиции предшественников раскрытием в «Тихом Доне» психологии трудящегося народа, участия и роста народных масс в революции.

2.

Работа Шолохова над четвертой частью романа значительно сократилась за счет включения в нее отрывков из «Донщины»¹⁾, посвященных изображению развала царской армии на фронте империалистической войны, показу корниловского мятежа. Однако Шолохов не просто механически перенес в роман главы, написанные для «Донщины». Писатель «включил во вторую книгу «Тихого Дона» куски первого варианта романа».

Шолохов указывал, что «Донщину» он начал с участия казаков в походе Корнилова на Петроград, с показа казачьих дивизий после февраля 1917 года. Следовательно, первые четыре главы второй книги «Тихого Дона», в которых рисуются события на фронте империалистической войны в 1916 году, и последующие главы до десятой, изображающие жизнь хутора Татарского, не имеют соприкосновения с первоначальным вариантом романа; VIII и IX главы относятся к началу февральского переворота и скорее всего призваны напомнить читателю о Петре Мелехове, о котором давно уже не упоминалось в романе. Их цель — ввести в новые события героев, характеры которых были развернуты в первых частях романа. Открывая вторую книгу описанием конца империалистической войны, Шолохов в форме воспоминания Григория о «пройденной путине» устраняет хронологический разрыв в повествовании, связывает события, описанные в первом томе, с событиями последующих лет.

Главы, с первой по девятую включительно, написаны автором, очевидно, специально для «Тихого Дона». Они соединяют события первой книги романа с событиями,

¹⁾ О первоначальном варианте романа «Тихий Дон» см. статью В. В. Гура. История создания первой книги романа М. Шолохова «Тихий Дон». «Уч. записки ВГПИ», т. 12, Вологда, 1953, стр. 211—215.

описанными в «Донщине», куски из которой теперь следуют за этими «соединительными» главами. Только этим можно объяснить то, что первые главы, вводящие в повествование, перекликаются с последующими главами, вошедшими в роман из «Донщины».

Главы X—XIV относятся уже к показу казачества после февраля 1917 года. В X—XII главах описываются переброска казаков в Петроград до начала корниловского похода и события в столице, связанные со слухами о мятеже Корнилова. Эти главы по языку, манере письма наиболее близки к донским рассказам, после которых они создавались. В них, как и в рассказах, очень часто употребляются предложения без сказуемого: «Листницкий хотел сказать что-то едкое, но от серых лобастых корпусов Путиловского завода — пронзительный крик «держи!»» (гл. XII); «... на всю одетую вдовьим цветом предосеннюю землю — косою переломленный в отсветах радуги благодатный дождь» (гл. XIII); «Около трех часов пополудни — поезд» (гл. XIV); «По ступенькам — на площадь» (гл. XIV) и т. д. Такие предложения изредка еще встречаются в первой книге, но в третьей и четвертой почти исчезают. Нет их и в других главах второй книги. Интересно и то, что X—XII главы и главы, описывающие движение войск Корнилова на Петроград (XV—XVII), написаны на основе одних и тех же источников.

Наиболее близки к донским рассказам по манере письма XIII и XIV главы. В них раскрывается начало корниловского заговора. В следующих главах (XV—XVII) описывается поход мятежных войск на Петроград, в XVIII — разгром мятежа и арест мятежников, в XIX — участие казаков в Октябрьской революции, в XX — бегство Корнилова из Быхова. Эти главы тематически наиболее близки к «Донщине». Таким образом, вся четвертая часть второй книги «Тихого Дона», состоящая из двадцати одной главы, содержит одиннадцать глав, близких к «Донщине», причем с большим основанием к ним можно отнести XIII, XIV, XV, XVI, XVIII, XIX и XX главы.

Перенесение отдельных отрывков из «Донщины» в «Тихий Дон» сопровождалось, видимо, значительной правкой их. Писатель стремился к тому, чтобы перенесенные куски органически входили в художественную ткань нового произведения, способствовали развитию действия, характеристике персонажей. Шолохов и в «Донщине» не

думал ограничиться показом корниловского мятежа. Намереваясь проследить уже тогда участие казачества в революции, он перенес бы действие на Дон, как это сделано в пятой части «Тихого Дона». События, описанные в этой части, интересовали писателя и во время работы над «Донщиной». Он знакомился с материалом, освещающим борьбу казачества с контрреволюцией на Дону, думал над характером его изложения. В связи с этим работа над пятой частью, почти полностью посвященной этим событиям, заняла у писателя значительно меньше времени. Вторая книга была полностью опубликована уже в 1928 году¹⁾. 18 ноября в ростовской газете «Молот» печатается отрывок из пятой части. Это была XXX, предпоследняя глава второй книги о казни Подтелкова²⁾). Работа над первыми двумя томами заняла у Шолохова около двух лет (с конца 1926 г. по осень 1928 г.). В это время создавалась и третья книга, первая глава из которой была опубликована в Ростове в 1928 г.

3.

Развитие сюжета, композиционная структура второй книги романа определяются ходом изображенных в ней исторических событий — февральская и Великая Октябрьская социалистическая революции, гражданская война. Стремление к максимальной исторической конкретности в воссоздании этих событий, к широкому охвату их, к показу различных социальных кругов и реальных лиц, выдвинутых ходом революционной борьбы и отсутствовавших в первой книге «Тихого Дона», обусловили принципиальное своеобразие второй книги романа. Большая часть ее связана с новыми героями, которые существовали в действительности и принимали активное участие в революционной борьбе на Дону.

Вторая книга наиболее хроникальна, насыщена большим фактическим материалом. Шолохов прибегает к

¹⁾ Четвертая часть появилась в № 5—6 журнала «Октябрь», пятая — в № 7, 8, 9—10. К сожалению, даже в школьные учебники по литературе проникло ошибочное утверждение, что вторая книга «Тихого Дона» появилась в печати в 1929 г.

²⁾ М. Шолохов. «Тихий Дон». Казнь. Отрывок из новой части, еще не вышедшей в свет. «Молот», Ростов н/Д., 1928, 18 ноября, № 2192, стр. 5.

обильному и непосредственному использованию ряда документов, подкрепляет отдельные факты отрывками из статей, листовок, обращений, телеграмм, воззваний, писем, деклараций, постановлений и т. п. Видимо, в таком плане шла работа над «Донщиной», произведением историко-хроникального характера, образная система которого ограничивалась кругом лиц, существовавших в действительности.

Отбор необходимого исторического материала значительно затруднялся и усложнялся тем, что ко времени создания второй книги «Тихого Дона» обстоятельных исследований советских историков по гражданской войне, с теми подробностями, которые особенно необходимы художнику, было очень мало. В 1924 г. вышла книга В. Владимировой «Контрреволюция в 1917 г. (Корниловщина)», основанная на документах Московского архива Октябрьской революции и Ленинградского историко-революционного архива, газетных и особенно мемуарных материалах. В 1928 г. ГИЗ издал книгу А. И. Гуковского «Французская интервенция на юге России». Автор, в основном, строит повествование, «в силу недостатка документальных данных», на «относительно достоверных материалах».

Восполняя пробел в достоверном фактическом материале; историки нередко ограничивались противоречивыми показаниями мемуаристов. Правда, они в какой-то мере производили отбор материала, помогали писателю осмыслить и оценить использованные до него источники, сосредоточить внимание на важнейших событиях, но проходили мимо сообщений, необходимых художнику. Они не вникали в бытовые подробности, опускали отдельные детали, штрихи, нужные писателю для создания художественной картины, для характеристики того или иного события, образа. Поэтому художник вынужден был обращаться и к мемуарной литературе, которая давала хотя и противоречивое, субъективное, но более детальное описание событий, предоставляла возможность отобрать именно то, что необходимо художнику и что не имело значения для историка.

Работа писателя значительно усложнялась необходимостью систематизации собранного материала. Шолохов заявлял, что в сборе и отборе исторического материала в период работы над романом он испытывал «большую

грудность», так как ему прежде историков пришлось обратиться к широкому воссозданию гражданской войны. Писателю нужно было обобщить материал, с марксистских позиций дать оценку тем или иным событиям, отобрать, как он говорил, «наиболее значительное и политически действенное, чтобы каждый эпизод, каждая деталь несли свою нагрузку»¹⁾).

Несколько проще обстояло с использованием материала, освещающего борьбу Красной Армии с белогвардейцами, события революции и гражданской войны на Дону. Кроме архивных источников, Шолохов имел возможность использовать появившиеся к этому времени сборники документов Ростовского Истпарта «Пролетарская революция на Дону», книгу Дан Делерт «Дон в огне», воспоминания участника подтелковской экспедиции в северные округа Донской области А. Френкеля «Орлы революции». В данном случае писатель имел дело с более достоверным фактическим материалом, с подлинными документами, приложенными к этим изданиям. Достоверностью материала о революционных событиях на Дону, наличием ряда правдивых воспоминаний, возможностью беседовать с людьми, которые принимали непосредственное участие в боях на стороне Советской власти, и следует объяснить то, что Шолохов более уверенно привлекал такого рода источники, подчас полностью строя на них целые главы. Сообщения участников революционной борьбы продиктовали ему последовательность изложения таких важных в истории гражданской войны на Дону событий, как съезд в станице Каменской, создание Военно-революционного комитета, поход Подтелкова в северные округа, борьба революционного казачества, его руководителей Подтелкова, Кривошлыкова, Лагутина и других против контрреволюции.

Однако наша мемуарная литература не восполняла всех пробелов в изучении гражданской войны на Дону. Участники ее часто не имели времени для письменного изложения своих воспоминаний, поэтому Шолохову пришлось вести самому собрание необходимых для художественного обобщения «фактов, деталей», устных рассказов «живых участников» этих событий. Установить, какой именно материал получал Шолохов из устных сообщений,

¹⁾ «Комсомольская правда», 1934, 17 августа, № 191, стр. 3.

пока почти не возможно, но совершенно очевидно, что они сыграли большую роль в работе писателя.

Значительные трудности испытывал Шолохов в отборе материала, освещающего события, которые происходили в белогвардейском лагере. Писателю, по его словам, пришлось прибегнуть к использованию зарубежных и «даже белогвардейских источников». В это время в Берлине, Париже, Брюсселе, Константинополе и даже в Японии предприимчивые издатели печатали громадное количество мемуаров вышвырнутых народом за границу политических пройдох вроде Родзянко, Шульгина, Милюкова и белых генералов — Деникина, Лукомского, Краснова и других. Генерал Деникин в книге «Очерки русской смуты», прикрываясь трудными условиями работы, умалчивает о том, что он на всякий случай сохранял при себе и увез за границу многие важные документы, личную переписку и даже газетные вырезки. Генерал Краснов, романы которого до революции находили себе место только в качестве бесплатных приложений к «Ниве» и «Родине», наводнял в эмиграции различные издания бездарными, клеветническими воспоминаниями, пронизанными слепой ненавистью, презрением и злобой к русскому народу.

Но иногда белогвардейские писаки в генеральских мундирах с обычно не свойственной им откровенностью, начинали описывать распад царской армии, разложение и мародерство «добровольцев». Руководствовались они, конечно, не желанием дать объективную оценку событиям, а стремлением «подсидеть» друг друга, снять с себя вину и переложить на плечи другого. Именно на этот материал, прежде всего, и обратил внимание Шолохов, решительно отбросив субъективную оценку авторами исторических событий и лиц. Стремясь обнажить истинное лицо врагов, он отбирает для этого всё ценное и интересное из их собственных показаний.

Для раскрытия внутреннего мира разложившегося белогвардейского лагеря, для показа склок его «вождей» между собой, он привлекает конкретный фактический материал из воспоминаний тех генералов, которые принимали непосредственное участие в описываемых событиях. Писатель сопоставлял один источник с другим, дополнял его скухими сведениями из различных газет и, таким образом, добивался достоверной картины во всех деталях, необходимых для художественного полотна.

Кроме того, Шолохов стремится документально подкрепить тот или иной конкретный факт. Если в первую книгу он не ввел ни одного исторического документа, то на вторую книгу их падает наибольшее количество.

Прежде всего, книга открывается четкой характеристикой событий конца империалистической войны и прямым цитированием статьи В. И. Ленина «Положение и задачи Социалистического Интернационала» (впервые напечатана в «Социал-демократе» № 33, 1 ноября 1914 г., см. также: Соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 19—24). Здесь же даются два отрывка из не установленной нами статьи (возможно, из «Социал-демократа») и листовка-обращение к солдатам. Далее Шолоховым приводятся следующие документы: 1) Обращение совещания общественных деятелей к Корнилову, подписанное Родзянкой; 2) Обращение Корнилова к народу; 3) Телеграмма Корнилова Каледину. 658.29.8.17; 4) Телеграмма ген. Романовского штабу Северного фронта. 27 августа 1917 г., № 6411; 5) Резолюция Корнилова на телеграмме кн. Багратиона; 6) Воззвание Корнилова к казакам. 28 августа 1917 г.; 7) Письмо Корнилова к Духонину от 1 ноября 1917 г. Остальные документы приводятся в пятой части второй книги: 1) Требование Военно-революционного казачьего комитета к Войсковому правительству о переходе власти к Ревкому (опубликовано в книге «Пролетарская революция на Дону». Сб. 4. М.—Л., ГИЗ, 1924); 2) Ответ Донского правительства Военно-революционному комитету (опубликован в книге «Пролетарская революция на Дону». Сб. 4. М.—Л., ГИЗ, 1924); 3) Декларация Доиревкома на имя руководителя операциями против Каледина о признании Центральной государственной власти Российской Советской Республики; 4) Постановление выборных от хуторов Каргиновской и других станиц о смертной казни подтелковцам. 27 апреля (10 мая) 1918 г. (Опубликовано в книге А. Френкеля «Орлы революции», Ростов н/Д., 1925); 5) Список чинов отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля ст. ст. 1918 г. военно-полевым судом к смертной казни. (Опубликовано в книге А. Френкеля «Орлы революции», Ростов н/Д., 1925). Во второй книге встречаются и документы, подлинность которых установить не удалось.

Способы введения исторических документов в художественную ткань романа разнообразны. К прямой цитации

писатель прибегает только в историко-хроникальных главах. Так даны: письмо Корнилова к Духонину (XX гл. IV ч.), Ответ Донского правительства делегации Донревкома (XI гл. V ч.), декларация Донревкома (XV гл. V ч.).

Чаще всего Шолохов включает документы в речь персонажей. Так, например, Бунчук читает в офицерской землянке статью В. И. Ленина «Положение и задачи Социалистического Интернационала». По мере нарастания спора, Бунчук приводит новые абзацы статьи, опирается на ленинские положения. Большевицкая листовка-обращение к солдатам включается в текст романа в то время, когда Листницкий знакомится с ней. Корниловский офицер Калмыков читает на митинге воззвание Корнилова к казакам. Требование Военно-революционного комитета Донскому правительству зачитывает Кривошлыков.

Иногда писатель дает документы в момент их возникновения. Корнилов пишет телеграмму Каледину и тут же просит Романовского немедленно передать ее. Рисуя заседание наспех организованного белогвардейского военного полевого суда, чинившего короткую расправу над отрядом Подтелкова, Шолохов воссоздает ту обстановку, в которой создавались, точно воспроизводимые здесь же документы: «Постановление» и «Список чинов отряда Подтелкова, приговоренных 27 апреля ст. ст. 1918 г. военноплевым судом к смертной казни»¹). Писатель отказывается лишь от воспроизведения длинного списка лиц, подписавших эти документы. Он рассказывает о том, как они подписывались.

Кроме исторических подробностей, разбросанных по всей книге, некоторые главы (XIII, XIV, XVIII, XX) почти полностью написаны на основе различных источников. Частично использован исторический материал в главе XVII. В пятой части к главам, которые целиком построены на использовании мемуарных и исторических источников, следует отнести III, IX, X, XI, XV, XVIII, XXVIII. Частично они используются для глав VIII, XII, XXI, XXVII, XXX.

Широкий исторический материал привлечен Шолоховым для освещения характеров лиц, существовавших в

¹) Документы эти были обнаружены в стогу соломы и доставлены председателем Краснокутского Ревкома в Донское Бюро РКП(б). Опубликованы впервые в «Донской правде», 1919, 28 мая, № 22.

действительности. Они заняли место основных персонажей, которые, проходя через всё повествование, во второй книге появляются лишь на время. В центре же повествования становятся образы конкретных представителей революционного казачества, на которых Шолохов прослеживает рост сознания народа, его участие в борьбе с контрреволюцией. Это — букановский казак, первый председатель казачьего отдела при ВЦИКе второго созыва Иван Лагутин, героически погибший вместе с другими революционными казаками отряда Подтелкова; усть-хоперский казак, первый председатель Донского ВЦИК Федор Подтелков; еланский казак, секретарь Донревкома Михаил Кривошлыков и другие члены Ревкома, избранного на съезде в станице Каменской. Упомянуты участники этого съезда Щаденко, Мандельштам, члены подтелковского отряда, список которых дается в конце книги. Кроме того, вводится ряд образов коммунистов, с вымышленными фамилиями: Абрамсон, Бунчук, Анна Погудко и др. Они не имеют конкретных прототипов.

Шолохов не только значительно расширил круг революционеров, вышедших из народных низов и работавших в необычайно сложной обстановке Дона, но и выдвинул их на первый план, показал активное и непосредственное участие коммунистов в полной драматического напряжения народной борьбе, проследил обусловленный революционными событиями рост их политического уровня.

Вводя в повествование конкретно-исторические фигуры, рисуя характеры революционеров, Шолохов не стремится к раскрытию их родословной с такой обстоятельностью, с какой это сделано в первой книге по отношению к Мелеховым, Моховым, Листницким и другим семьям. Избегая описательных экскурсов в прошлое героев, автор, однако, знакомит читателя с их жизнью, социальным положением, участием в предшествующей борьбе народа за свое освобождение. Чаще всего это делается в форме воспоминания самого героя. Так раскрываются происхождение и политические взгляды Подтелкова во II главе V части романа, жизнь Анны Погудко до встречи с Бунчуком — в V главе той же части. Но основным средством типизации характера является показ героя через участие, поступки, действия его в той борьбе, которая раскрывается во второй книге романа.

Рисует Шолохов и реальные лица из среды контрре-

волюционного казачества. Показывая распад фронта империалистической войны, писатель впервые вводит фигуру казака Фомина с хутора Рубашина Еланской станицы, впоследствии ставшего врагом Советской власти, главарем банды. Чрезвычайно важное значение приобретает казалось бы незаметная фигура Федора Лиховидова (ч. V, гл. XXIV), необходимая писателю для того, чтобы охарактеризовать своеобразие обстановки на Дону в конце 1918 г., когда такого рода авантюристы становились у власти. В числе эпизодических персонажей — враги революционного народа, представители контрреволюционного казачьего офицерства — есаул Чернецов, подъесаул Спиридонов, есаул Попов, подъесаул Сенин и другие. Характерно, что вешенский житель Сенин, как рассказывает Шолохов, послужил затем прототипом для образа Половцева в «Поднятой целине». «Сенин был опасный враг, — рассказывает Шолохов. — О нем, например, известно, что он был комендантом полевого караула, расстрелявшего в 1918 году экспедицию Подтелкова. Если помните, в «Тихом Доне» есть фамилия Сенин»¹⁾).

Для того, чтобы передать остроту борьбы народа против контрреволюции, Шолохов рисует в ряде сцен таких лютых врагов Советской власти, как генералы Корнилов, Лукомский, Краснов, Романовский, Деникин, Алексеев, Каледин, Богаевский. В романе упоминаются царь Николай II, Керенский, Родзянко, Савинков, генералы Крымов, Алферов, Попов, Кутепов, Назаров, полковник Неженцев, председатель Войскового Круга Агеев, члены Круга Светозаров, Карев и другие представители бело-гвардейского лагеря.

Таким образом, в повествование вовлекаются новые персонажи, скрещивание путей которых обуславливает развитие сюжета и композицию книги.

Писатель охватывает события с октября 1916 г. по осень 1919 г. Действие происходит в Полесье, в районе Владимира-Волынского и Ковеля, в Румынии, Татарском и Ягодном, на Юго-Западном фронте (в Двинске), в Петрограде, Могилеве, Москве, в эшелонах, двинутых Корниловым на Петроград, в Быхове. В пятой части повествование переносится на юг и почти не выходит за преде-

¹⁾ Бойцы-авторы СКВО у писателя М. А. Шолохова. «Большевистский Дон», Вешенская, 1935, 10 февраля, № 18, стр. 2.

лы донских хуторов и станиц (Татарский, Каменская, Новочеркасск, Ростов, Глубокая, Вешенская, Царицын, Ольгинская, Сетраков, Пономарев, Каргинская). Шолохов рисует широкую картину народного недовольства империалистической войной, смело переносит повествование с одного участка фронта на другой: из Могилева, где находилась ставка, — в столицу, из донских станиц и хуторов — в Ростов и Новочеркасск, показывает разгром корниловщины, великие события Октябрьской революции и начала гражданской войны. Историзм повествования усиливается подробным описанием целого ряда исторических событий. Роман обильно насыщается массовыми сценами, раскрывающими пути народа в революции.

Стремясь шире охватить революционные события и тесно связанные с ними поступки и настроения героев, вводя десятки эпизодических персонажей, рисуя крупным планом ряд новых образов, Шолохов теряет из поля зрения своих основных героев, с большим трудом соединяет и развивает сюжетные линии, положения, развернутые в первой книге.

В связи с тем, что во второй книге пришлось перемежать особенно много событий, фактов, людей, композиционной цельности, по словам самого писателя, достигнуть не удалось. Критика справедливо объясняла эти недостатки тем, что многие главы второй книги создавались еще для «Донщины», когда писатель не имел опыта работы над большими произведениями. Однако, несмотря на отдельные неудачи, вторая книга знаменовала не шаг писателя назад, как доказывали некоторые критики, а продвижение его вперед. Она явилась серьезным этапом в овладении Шолоховым высотами социалистического искусства и весьма показательна для мировоззренческого роста писателя

4.

Рисуя развал фронта империалистической войны, Шолохов значительно резче, чем в первой книге, подчеркивает рост революционных настроений народа и, в частности, казачества.

Книга открывается четким определением позиции большевиков по отношению к империалистической войне. Бунчук, проводя агитационную работу на фронте, прямо заявляет о своих большевистских позициях, цитирует вы-

сказывание Маркса о том, что «рабочие не имеют отечества», зачитывает большие выдержки из ленинской работы «Положение и задачи Социалистического Интернационала». «Буржуазия, — писал В. И. Ленин в этой статье, — одурачивает массы, прикрывая империалистический грабёж старой идеологией «национальной войны». Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну»¹). «Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра, — не во время теперешней войны, так после нее, — не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и готовить к войне против буржуазии и «своей» страны и «чужих» стран»²).

Эти ленинские строки, вложенные Шолоховым в уста Бунчука в самом начале книги, являются философским обоснованием закономерности дальнейших революционных событий, описанных в романе. Если в первой книге Шолохов показывал, как удавалось буржуазии прикрывать империалистический грабёж идеологией «национальной войны», одурачивать шовинизмом казаков типа Крючкова и Чубатого, если в этой книге обращалось внимание на то, как война нравственно калечила людей, то во втором томе писатель показывает, как война учит, просвещает народ, готовит его к борьбе с буржуазией. Шолохов рисует превращение войны империалистической в гражданскую.

Если монархист Евгений Листницкий и подобные ему офицеры цинично высказываются за продолжение войны в угоду буржуазии, то Бунчук стоит за поражение царского правительства, он уверен в том, что «эта война завершится новой революцией», что «царизм будет уничтожен», что «должна быть рабочая диктатура», «власть пролетариата». Большевицские взгляды Бунчука находят живой отклик среди казаков. Недовольство, неприязнь, смертельная усталость — вот что преобладало в их на-

1) В. И. Ленин. Соч. изд. 4-е, т. 21, стр. 23.

2) Там же, стр. 24.

строениях. Встречая озлобленные взгляды казаков, Листницкий видел, что они в любое время могут повернуть оружие.

«Коренным образом изменились казаки по сравнению с прошлыми годами, — пишет Шолохов. — Даже песни — и те были новые, рожденные войной, окрашенные черной безотрадностью»¹⁾).

Песни донского казачества, использованные писателем во второй книге, играют важную роль в изображении тех перемен, которые совершались в среде солдат на фронте империалистической войны. Наряду с песнями, выражающими тоску казаков по родному краю («Ой, да разродимая сторонка», «Конь боевой с походным вьюком»), в текст романа включаются босвые, походные песни. Но характер их использования резко меняется. Примером этого служит драматическая сцена сумасшествия Гаврилы Лиховидова, который «жутким речитативом» выкрикивал слова старой походной песни, рассказывающей о боях казаков в Туретчине. В устах безумного Лиховидова, безразличного к смыслу слов, «патриотическая» песня утрачивает свое боевое звучание. Она является средством раскрытия предельного надлома в сознании казаков, убеждающихся в бездарности и предательстве царского командования, торгующего интересами народа и Родины.

Смутное недовольство войной, несущей неисчислимые бедствия народу, горестные чувства тоски, усталости, выраженные в казачьих песнях первой книги, перерастают теперь в осмысленный социальный протест. И Шолохов улавливает проявление этой перемены в песенном репертуаре казаков. Направляясь на фронт, они поют песню с ярко выраженным социальным содержанием:

Эй, вы горьки хлопоты,
Тесны царски хомуты!
Казаченкам вы туть —
Ни вздохнуть, ни- вздохнуть,
Пугачев на Дону кличет,
По низовьям голи зычет:
«Атаманы, казаки!...» (VI, 76).

¹⁾ Михаил Шолохов. Тихий Дон. «Октябрь», 1928, № 5, стр. 119. В дальнейшем все ссылки на «Тихий Дон» в тексте статьи — по настоящей первоначальной публикации романа. Римская цифра — номер журнала, арабская — страница (V, 119).

Выраженный в песне протест казачества против царской эксплуатации, осознание социального неравенства и того, что Пугачев защищал интересы голи казацкой, наполняются глубоким смыслом, призывом к новой борьбе с царизмом. Еще более резко подчеркнута ненависть к царизму в другой, саркастической песне «Царю верой, правдой служим...» (VI, 77).

Рост сознания казачества способствовал еще более резкому его размежеванию на два противоположных лагеря: с одной стороны оказались приверженцы мира собственности, сословных привилегий — Чубатый, Митька Коршунов, Петр Мелехов, с другой — Бунчук, Иван Алексеевич Котляров, Лагутин, Кошевой и другие революционно настроенные казаки. Связывая большие события в стране с жизнью хутора Татарского, Шолохов и здесь подмечает перемены, происходящие в жизни казаков, показывает обострение классового неравенства, размежевание хутора. События февральской революции посеяли тревогу в реакционных кругах казачьего офицерства и купечества. «Казаки отнеслись к известию о перевороте со сдержанной тревогой и выжиданием» (VI, 64). Старики стояли за царя, боялись «свободы» и «равенства», не хотели равняться с «мужиками», терять надель земли и другие привилегии. «Тревожные предчувствия», «ноющие мысли» одолевали и купца Мохова; чувство злобы, сознание обреченности, растерянность, усиливаются в семье Листницких.

Глухой протест против войны обнищавшего, разорившегося трудового казачества начинает постепенно перерастать в протест против всего существующего строя. Одновременно Шолохов обращает внимание и на то, как контрреволюция стремилась замутить сознание казаков, заглушить недовольство, оградить казачьи части и станицы от проникновения в них революционных настроений и снова использовать казачество в своих интересах, для подавления революции.

На примере типичного представителя «скопища сытых и довольных», монархически настроенного офицера Евгения Листницкого, который готов «не колеблясь» отдать жизнь за старое, Шолохов показывает как контрреволюционное казачье офицерство пыталось «сродниться с казакom», «отвоевать его у комитетов, тяготеющих к большевикам», «вырвать умы казаков из разлагающей ат-

мосферы политики». Контрреволюция разжигала в казачестве сословные чувства, играла на его привилегиях и это, несомненно, усложняло путь казачества в революции.

Чтобы ярче оттенить атмосферу реакционной казачьей обособленности, борьбу контрреволюции за казачество, усложнявшую его путь в революции, Шолохов приводит старинную казачью песню о самостоятельности Дона, которая распевается среди офицеров. В тексте романа она воспринимается как призыв контрреволюции к борьбе с русским народом:

... Но и горд наш Дон, тихий Дон, наш батюшка —
Басурманину он не кланялся, у Москвы, как жить, не спрашивался.
А с туретчиной — ох, да по потылице шашкой острою,
век здоровался.

А из года в год степь донская, наша матушка,
За пречистую мать богородицу да за веру свою православную.
Да за вольный Дон, что волной шумит, в бой звала со су-
постами (VI, 92).

Однако даже некоторые представители казачьего офицерства (подъесаул Атарщиков) начинают сомневаться, по правильному ли пути они идут, на ту ли дорогу заворачивают казачество. Букановский казак, большевик Лагутин прямо заявляет, что беднейшему казачеству делить с большевиками нечего, что большевики открывают народу глаза на правду, защищают его интересы. Обличая «кривые» царские порядки, Лагутин убежденно говорит: «Большевики — они верно нацеливаются...». Он знает, что сама жизнь толкает народ на сторону большевиков и революции.

Снятые с фронта и направленные на подавление революции, казаки стремятся разобраться в происходящих событиях. Они начинают понимать, что с Корниловым им «не одну стежку топтать, чутье предсказывало, что и Керенского защищать не с руки». Казак Котляров, из которого большевик «вышел надежный, прожженный, с прочной к старому ненавистью», твердо решает «не допустить сотню до Петрограда» (VI, 116), склоняет казаков к своему решению, и те переходят на его сторону, отказываются от дальнейшего следования на Петроград, покидают вагоны.

Известно, что ЦК большевистской партии, когда Корнилов поднял мятеж, призвал рабочих и солдат к активному вооруженному отпору контрреволюции. В Корни-

ловские полки и дивизии, наступавшие на Петроград, большевики послали своих делегатов. Они разъясняли солдатам контрреволюционный смысл корниловского заговора. Оживилась деятельность ревкомов. На пути движения корниловских войск создавались специальные штабы по борьбе с контрреволюцией.

Включая своих героев в эти события, Шолохов особенно подробно останавливается на характеристике деятельности большевика Бунчука, одного из тех агитаторов, которые были посланы петроградскими рабочими и солдатами в корниловские полки. Бунчук хорошо знает людей, среди которых сеет семена большевистской правды, понимает, что для работы среди казаков нужен особый язык, «какая-то большая сила убеждения, — чтобы не только опалить, но и зажечь, чтобы уничтожить веками напластовавшийся страх послушания, раздавить косность, внушить чувство своей правоты и повести за собой» (VI, 130). Бунчук разоблачает контрреволюционную сущность корниловщины, говорит казакам о том, что их «ведут на братоубийственную войну, на разгром революции» (VI, 135), открывает казакам глаза на смысл происходящих событий. «Мы тут в потемках блукаем», — говорят они и интересуются тем, какая будет власть при большевиках, как будет решен земельный вопрос, приконтчат ли войну. Писатель ярко раскрывает их настроения и симпатии. Простой казак Чикамасов спрашивает Бунчука:

«... Илья Митрич, а из каких народов Ленин будет? Словом, иде он родился и произрастал?

— Ленин-то? Русский...

— Нет, браток! Ты, видать, плохо об нем знаешь, — с оттенком собственного превосходства пробасил Чикамасов. — Знаешь, каких он кровей? — наших. Сам он из донских казаков, родом из Сальскова округа, станицы Великокняжеской, — понял? Служил батареем — гутарют. И личность у него подходящая — как у низовских казаков: скулья здоровые и опять же глаза...

— Нет, Чикамасов! Он — русский, Симбирской губернии рожак.

— Нет, не поверю. А очень даже просто не поверю! Пугач из казаков? А Степан Разин? А Ермак Тимофеич? То-то и оно! Все, какие беднеющий народ на царей подымали, — все из казаков. А ты вот говоришь — Сибир-

ской губернии. Даже обидно, Митрич, слушать такое...» (VI, 131).

Этот интересный сказ, рождение которого в народе, стремившегося сделать вождя ближе к своей среде, наблюдалось еще до революции, передает громадную любовь народа к великому Ленину. Чикамасов не хочет верить, что Ленин не из казаков, говорит о нем с радостью, восхищается его умом, уверен в победе его дела.

Шолохов как бы воспроизводит в романе процесс рождения «легенды», обстановку ее создания. Рассказ казака Чикамасова, как справедливо утверждает фольклорист И. Кравченко, «вполне соответствует легендам и сказам первых лет революции»¹⁾.

Сказ о Ленине, включенный Шолоховым в роман, трудно отличить от сказов, созданных народом и бытующих в его среде. Это говорит о глубокой народности писателя, о неразрывной связи его устремлений и чаяний народа. Текст шолоховского сказа имеет большое значение для раскрытия тех изменений, которые происходили в казачестве под влиянием революционных событий. В нем подчеркивается единство беднейшего казачества и русского революционного народа, выражается глубокая любовь казаков к вождю пролетариата, сознание того, что он и созданная им партия защищают интересы беднейшего казачества, которое издавна славилось своими революционными традициями. Шолохов указывает, что братский привет, который с Бунчуком послали казакам питерские рабочие, находит в их среде живой отклик. «Земно вам кланяемся и просим передать питерским рабочим и солдатам, што на них руку мы не подыдем!» — под одобрительные крики казаков говорит на митинге член полкового ревкома. Революционная часть казачества не хочет «подчиняться изменнику революции генералу Корнилову», понимает «гибельность войны с народом». На сторону революции переходят и казачьи полки, находившиеся в Петрограде.

Опираясь на большой устно-поэтический и исторический материал, Шолохов показал рост активности и организованности народных масс, оживление деятельности комитетов на фронте, отказ казачества от поддержки

¹⁾ И. Кравченко. Шолохов и фольклор. «Лит. критик», 1940, № 5—6, стр. 217.

контрреволюционного выступления Корнилова. Во второй книге романа писатель углубил показ решающей роли народа в конкретно-исторических событиях, проследил процесс революционизирования сознания масс, раскрыл их пути к новой жизни на широком историческом фоне народной борьбы со старым миром.

5.

Композиционная структура книги подчинена передаче остроты борьбы двух противоположных, непримиримых лагерей, показу краха надежд контрреволюции, стремившейся опереться на казачество, обреченности выступления Корнилова. Вскрывая социальные истоки корниловщины, показывая разложение царских войск на фронте, Шолохов выделяет фигуры монархистов Листницкого и Калмыкова, раскрывает их настроения, а затем, рисуя обстановку и деятельность этих офицеров в столице, описывает подготовку контрреволюционного переворота, назревание мятежа и постепенно вводит читателя в «кухню» корниловского заговора.

XIII глава IV части начинается сообщением о получении начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом Лукомским приказа о сосредоточении 3-го конного корпуса в районе Невель — Н. Сокольники — Великие Луки. После разговора с Корниловым, состоявшегося 6 августа 1917 года, Лукомский становится участником заговора, разделяя убеждения своего верховного, который хотел «перевешать весь Совет рабочих и солдатских депутатов». Показу подготовки заговора, описанию тайного разговора между Корниловым и Лукомским Шолохов отводит целую главу. Подробности разговора, в котором была сообщена цель переброски войск к Петрограду, можно было получить только непосредственно от одного из участников этого заговора (третье лицо при этом не присутствовало). У Шолохова оставался один источник — книга Лукомского «Воспоминания» (т. I, Берлин, 1922), в которой белый генерал подробно описывал, как он был введен в заговор, как, растроганный доверием, сообщил, что пойдет за Корниловым до конца, и даже взялся разработать план удара по Петрограду. Этому генералу не было необходимости клеветать на себя. Удиви-

тельно только, с какой циничной откровенностью описывает этот белогвардеец грязную историю заговора.

Однако Шолохов, раскрывая корниловский заговор на основании показаний его участников, не поднялся в первоначальном тексте романа до четкой политической оценки главарей контрреволюции, ограничился описательным изображением корниловского мятежа и его руководителей. По этому поводу Ю. Б. Лукин пишет: «Опасность подстерегает писателя скорее тогда, когда он, средствами исторической хроники воссоздавая широкий фон, на котором развивается сюжет романа, и стремясь к протокольной точности в передаче хода событий, фактов, обрисовке характеров, кое-где впадает в ненужный объективизм, как бы становится в позу «беспристрастного летописца» событий. Это заметно, например, в художественной характеристике генерала Корнилова, вследствие своей нечеткости создающей впечатление о некоей мнимой «субъективной честности» побуждений этого генерала, тогда как он являлся отъявленным врагом, самым убежденным и злобным душителем революции»¹⁾.

Однако в описании корниловского мятежа Шолохов не просто «беспристрастный летописец». Характер отбора материала и отношения к нему можно проследить на сцене приезда Корнилова на Московское совещание купцов, промышленников, помещиков и банкиров. «Страна искала имя», — так выразил генерал Деникин общее настроение контрреволюции... Говорили о генерале Алексееве, останавливались на адмирале Колчаке, но, когда Корнилова назначили главкомом, поиски прекратились. «Имя»

¹⁾ Ю. Лукин. Михаил Шолохов. М., «Сов. писатель», 1952, стр. 41. Замечания о характеристике генерала Корнилова были высказаны и нами в работе «Некоторые вопросы изучения «Тихого Дона» М. Шолохова», представленной в 1950 г. в ИМЛИ и доложенной 30 января 1952 г. на пленарном заседании научной конференции Вологодского Госпединститута им. В. М. Молотова. В последнем, исправленном издании «Тихого Дона» (1953) Шолохов подверг особенно тщательной правке вторую книгу романа, внес значительные изменения и дополнения и в хроникальные главы, характеризующие корниловский мятеж. Изучению работы Шолохова над печатным текстом «Тихого Дона» нами будет посвящена специальная работа, замыкающая публикацию по истории первоначального текста романа, но и в заключении настоящей статьи мы считаем необходимым кратко остановиться на тех принципиально важных исправлениях, которые писатель внес во вторую книгу «Тихого Дона».

было найдено... Контрреволюция усиленно выдвигала этого генерала»¹⁾.

Источником для описания приезда Корнилова в Москву на «государственное совещание» и встречи его была газета «Русское слово»²⁾. Проведем следующее сравнение:

«В Русском слове»

13 августа в Москву прибыл для участия в государственном совещании верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов.

Задолго до прихода поезда на платформе Александровского вокзала выстроился почетный караул юнкеров Александровского военного училища при развернутом знамени и оркестре музыки...

У бывших царских комнат, где теперь помещается социалистический просветительный клуб Александровской железной дороги, собрались встречающие верховного главнокомандующего: товарищ министра путей сообщения генерал-майор Кисляков, командующий Московским военным округом полковник Верховский и его помощник полковник Кравчук. Тут же находятся генералы Каледин, Зайончковский и Яковлев.

Московское городское самоуправление представлено городским головой В. В. Рудневым, его товарищем П. А. Бурьшинным и членом управы князем М. В. Голицыным.

Несколько позднее других на перроне появляется комис-

В «Тихом Доне»

13 августа Корнилов выехал в Москву на государственное совещание...

За день до приезда Корнилова в Москву есаул Листницкий прибыл туда с поручением особой важности от совета союза казачьих войск. Передав в штаб находящегося в Москве казачьего полка пакет, он узнал, что назавтра ожидается Корнилов.

В полдень Листницкий был на Александровском вокзале. В зале ожидания и буфетах первого и второго классов — крутое месиво народа; военные преобладают.

На перроне строится почетный караул от Александровского военного училища, у виадука — московский женский батальон смерти. Около трех часов пополудни — поезд. Разом стих разговор. Зычный, взвихрившийся всплеск оркестра и шаркающий топот множества ног. Взбурившаяся толпа подхватила, понесла, кинула Листницкого на перрон. Выбравшись из свалки, он увидел: у вагона главнокомандующего строятся в две шеренги текинцы. Блещущая ла-

¹⁾ История гражданской войны в СССР. Изд. 2-е, т. I. М. Госполитиздат, 1939, стр. 172.

²⁾ «Русское слово», 1917, 15 августа, № 186. Это была единственная газета, поместившая на своих страницах подробный отчет под общим заголовком «Пребывание в Москве ген. Л. Г. Корнилова». Ниже шли следующие информации: «Встреча», «Прибытие поезда», «На площади», «На Тверской», «У Иверской», «Пребывание Корнилова в Москве», «Ген. Л. Г. Корнилов и Временное правительство». Шолоховым использованы лишь три первых информации.

сар Временного правительства по городу Москве Н. М. Кишкин. Следом за ним приезжают члены Государственной Думы Ф. И. Родичев, князь С. П. Мансырев и В. А. Ханенко.

К этой же группе присоединяются член Государственного Совета граф В. А. Мусин-Пушкин, член Государственной Думы Н. Н. Щепкин, начальник дипломатической канцелярии при верховном главнокомандующем князь Г. Н. Трубецкой, военный аташе при французском посольстве полковник Кайо... Далее расположилась депутация от Союза георгиевских кавалеров с председателем центрального комитета капитаном С. И. Скаржинским во главе.

За ней стоят депутаты союза офицеров армии и флота, в числе которых находится председатель этой организации полковник Новосильцев... Затем следуют депутации от... Совета союза казачьих войск... Почти у виадукта стал наряд московского женского «батальона смерти». Всюду масса народа.

Поезд верховного главнокомандующего подходит к платформе. На паровозе, рядом с машинистом, стоят георгиевские кавалеры, следующие с поездом из Ставки. На платформах вагонов конвой верховного главнокомандующего — текинцы.

Текинцы, прозванные «большими головами» за свои огромные бараньи шапки, в алых халатах, с изогнутыми туземными клычами наголо, лихо соскакивают на ходу и становятся у дверей вагона главнокомандующего.

Войска берут на-караул. Оркестр гремит встречу и на платформу выходит Л. Г. Корнилов. Поздоровавшись со

ком стена вагона рябит, отражая их яркокрасные халаты. Корнилов, вышедший в сопровождении нескольких военных, начал обход почетного караула, депутатий от союза георгиевских кавалеров, союза офицеров армии и флота, совета союза казачьих войск.

Из числа лиц, представлявшихся верховному, Листницкий узнал донского атамана Каледина и генерала Зайончковского, остальных называли по именам окружавшие его офицеры.

— Кисляков — товарищ министра путей сообщения.

— Городской голова Руднев.

— Князь Трубецкой — начальник дипломатической канцелярии в Ставке.

— Член государственного совета Мусин-Пушкин.

— Французский военный аташе полковник Кайо.

-- Князь Голицын.

--- Князь Мансырев... — звучали подобострастно почтительные голоса.

Листницкий видел, как приближавшегося к нему Корнилова осыпали цветами изысканно одетые дамы, густо стоявшие вдоль платформы. Один розовый цветок повис, зацепившись венчиком за аксельбанты на мундире Корнилова. Корнилов стряхнул его смущенным, нерешительным движением. Бородатый старик-уралец, заикаясь, начал приветственное слово от имени двенадцати казачьих войск. Дослушать Листницкому не удалось, — его оттеснили к стене, едва не порвали ремень шашки. После речи члена Государственной думы Родичева, Корнилов вновь тронулся, густо облепленный толпой. Офицеры, взявшись за руки, образовали предохранительную цепь, но их разметали. К Корнилову тянулись десятки рук.

встречавшими, Л. Г. Корнилов последовательно обходит все депутатии под восторженные клики «ура» присутствующих. Весь его путь забрасывается цветами.

Особенно трогательно приветствовал генерала Корнилова убеленный сединами, но коренастый и крепкий, как дуб, старый уральский казак, говоривший от имени 12-ти казачьих войск.

Когда генерал Л. Г. Корнилов возвращается к своему вагону, к нему подходит член Государственной Думы Ф. И. Родичев. Он обращается к верховному главнокомандующему с приветствием, от имени народных представителей.

Окружающие Л. Г. Корнилова публика, офицеры и солдаты подхватывают его на руки и несут с громовым «ура» к выходу на площадь перед вокзалом, где должен состояться церемониальный марш почетного караула.

Появление верховного главнокомандующего, несомого на руках офицерами, встречается народом, собравшимся перед Александровским вокзалом, восторженным «ура».

Шумной толпой подвигаются и генералом Л. Г. Корниловым участники встречи на перроне.

Верховный главнокомандующий, окруженный членами своего штаба, останавливается в центре площади и пропускает мимо себя почетный караул юнкеров Александровского военного училища.

Следом за юнкерами церемониальным маршем проходят депутация союза воинов, бежавших из вражеского плена, и наряд московского женского «батальона смерти». Парад замыкает казачья сотня в конном строю при пиках.. (стр. 2—4).

10. Ученые записки ВГПИ, т. XVIII

Какая-то полная растрепанная дама семенила сбоку его, стараясь прижаться губами к рукаву светлозеленого мундира. У выхода под оглушительный грохот приветственных криков Корнилова подняли на руки, понесли. Сильным движением плеча Листницкий оттер в сторону какого-то сановитого господина, успел схватиться за мелькнувший перед его глазами лакированный сапог Корнилова. Ловко перехватив ногу, он положил ее на плечо и, не чувствуя ее невесомой тяжести, задыхаясь от волнения, стараясь только сохранить равновесие и ритм шага, двинулся, медленно влекомый толпой, оглушенный ревом и пролитой медью оркестра. У выхода наскоро оправил складки рубашки в давке выбившейся из-под пояса. По ступенькам — на площадь. Впереди толпа, зеленые шпалеры войск, казачья сотня в конном строю. Приложив ладонь к козырьку фуражки, моргая увлажненными глазами, он пытался, но не мог унять неудержную дрожь губ. Смутно помнил, как клацали фотографические аппараты, бесновалась толпа, шли церемониальным маршем юнкера и стоял, пропуская их перед собой, стройный, вытянутый, маленький, с лицом монгола, генерал (VI, 106—108).

Шолоховский текст далек от полного совпадения с газетной информацией. Писатель подчиняет полученный материал целям художественного повествования. Опускаются сухое перечисление всех лиц, присутствовавших при встрече Корнилова, другие информационные подробности, поданные в форме отчета. Шолохову важно было показать не прибытие встречающих на вокзал, а манифестацию, устроенную Корнилову его обожателями, московской буржуазией, которая прочила его в диктаторы и призывала «спасти» Россию.

Передавая события на Александровском вокзале через восприятие Евгения Листницкого, Шолохов не останавливается, как это делает газета, на прибытии сановных лиц на вокзал до прихода поезда. Писатель указывает, кто именно встречал Корнилова, но делает это не путем перечисления присутствующих, а опять-таки через Листницкого, который узнает генералов Каледина и Зайончковского, когда они представляются Корнилову, слышит, как звучат «подобострастные почтительные голоса» офицеров, называющих фамилии тех, кто не знаком ему в лицо. Называя перечисленные в газете имена Шолохов передает подобострастие и пресмыкательство напуганной буржуазии.

Из другой информации — «Прибытие поезда» — писатель заимствует целый ряд подробностей встречи Корнилова. Листницкий видит, как прибывает поезд, как строятся текинцы, слышит звуки оркестра и т. д. Если газетная информация при описании текинцев перечисляет такие детали, как «огромные бараньи шапки», «в алых халатах», «с изогнутыми туземными клычами» и т. д., то Шолохов обращает внимание лишь на одну из них. Но эта деталь не просто упоминается, как в информации, а превращается в художественный образ: Листницкий видит, как «блещущая лаком стена вагона рябит, отражая их яркокрасные халаты».

Опираясь на газетные сообщения о том, что в руках сестры Нестерович «букет цветов, предназначенный для верховного главнокомандующего», и «весь его [Корнилова] путь забрасывается цветами», Шолохов создает образную картину: Листницкий видел, «как приближавшегося к нему Корнилова осыпали цветами и зысканно одетые дамы, густо стоявшие вдоль платформы», как «один розовый цветок повис, зацепившись венчиком за

аксельбанты на мундире Корнилова», как «Корнилов потрянул его чуть смущенным, нерешительным движением». Передавая всё это через восприятие монархически настроенного казачьего офицера Листницкого, в глазах которого каждое незначительное движение, каждый жест Корнилова имеют свой смысл и значение, Шолохов ярко раскрывает ту атмосферу, которая была создана военной и буржуазной верхушкой вокруг своего диктатора. Чтобы резче подчеркнуть безумное подобострастие этого сборища, Шолохову понадобилась «какая-то полная, растрепанная дама» (известно, что в числе встречающих Корнилова была миллионерша Морозова, упавшая на колени перед ним). У Шолохова «растрепанная дама семенила сбоку него, стараясь прижаться губами к рукаву светлозеленого мундира». Для этого же понадобились «увлажненные глаза» и «дрожь губ» самого Листницкого и показ всей церемонии встречи диктатора.

Шолохов стремится к точной передаче фактов. Он отступает от газетной статьи лишь в том случае, когда эту возможность дает ему сам материал. Принятая писателем передача событий через офицера-монархиста позволяла отклониться от газетной информации, детальнее описать события, за счет его индивидуального восприятия.

Описанию приезда Корнилова в Москву и встрече его Шолохов придает большое значение потому, что эта сцена ярко раскрывает сущность контрреволюционеров, которые, подобно Листницкому, ожидали «удобного момента», когда «необходимый родине» Корнилов утвердит свою диктатуру и задушит ненавистные буржуазии Советов. Буржуазия стремилась объединить свои силы вокруг «вождя», требовавшего «упразднения комитетов и Советов».

Описание встречи, устроенной Корнилову, делало излишним показ той обстановки, в которой проходило Московское государственное совещание, созванное Временным правительством для мобилизации сил буржуазии и помещиков, для оформления и утверждения военной диктатуры, на которую только и надеялась струсившая буржуазия, обещавшая Корнилову деньги и поддержку.

Шолохов останавливается только на закулисных переговорах, в кулуарах Большого Театра, Корнилова с Калединым, готовивших заговор против революции. «По До-

ну, по Кубани, по Тереку, по Уралу, по Яику, по Уссури, — заканчивает Шолохов эту главу, — по казачьим землям от грани до грани, от станичного юрта до другого, черной паутиной раскинулись, расплелись с того дня нити большого заговора» (VI, 110).

Вслед за этим Шолохов подробно описывает состояние частей Корнилова, застрявших на железной дороге по пути к Петрограду¹⁾, показывает неизбежность поражения контрреволюции, замыслы которой уже к 29 августа начинали рушиться, подчеркивает беспочвенность и антинародность заговора, отсутствие опоры у его главарей даже в среде казачества.

Показ корниловского мятежа завершается авторской

¹⁾ Здесь мы встречаемся с одновременным использованием различных источников (в первых изданиях романа Шолохов печатал даже карту «Эшелоны ген. Крымова на путях к Петрограду. 29 августа 1917 г.»). Там, где это было возможно, писатель сверяет мемуарные данные с газетными информацией. Через ПТА в различные газеты проникали лишь самые общие сведения о корниловском мятеже, о ходе движения войск на Петроград. Например, «Известия Ростово-Нахичеванского совета рабочих и солдатских депутатов» поместили в № 69 за 1917 г. несколько общих заметок. Вот некоторые из них:

Где находятся войска Корнилова?

До 8 часов вечера выяснилось, что отдельные эшелоны мятежных отрядов находятся в 60—90 верстах от Петрограда. Некоторые незначительные части прошли Лугу...

На ст. Луга

Железнодорожный путь между станцией Луга и ближайшей к Петрограду станцией разобран.

Первая встреча с «корниловцами»

Рано утром 28 августа на ст. Павловск II было получено известие, что со ст. Дно вышли 9 эшелонов мятежных войск. Одновременно было передано распоряжение разобрать путь. На 42-й версте от Петрограда между ст. Семрино и Сусанино железнодорожные служащие разобрали в трех местах путь и опрокинули на полотно несколько вагонов, груженных дровами и лесом... В 4 часа дня было сообщено, что через ст. Вырица прошли первые эшелоны мятежных войск...

Пользуясь различными источниками, Шолохов добивается показа полного морального разложения армии, говорит о начавшемся грабеже жителей, описывает противодействие, оказанное рабочими и железнодорожными служащими продвижению корниловских войск.

сатирической оценкой роли Временного правительства в разгроме крымских армий: «Люди, недавно шедшие на Временное правительство войной, теперь л ю б е з н о расшаркивались перед Керенским, уверяя его в своих верноподданнических чувствах.

Разбитая морально, крымская армия еще агонизировала: части по инерции катались к Петрограду, но движение это утратило всякий смысл, ибо подходил к концу корниловский путч, гасла взметнувшаяся бенгальским огнем вспышка реакции, и временный правитель республики, правда, растерявший за эти дни мясистость одутловатых щек, по-наполеоновски дрыгая затянутыми в краги икрами, уже говорил на очередном заседании правительства о «полной политической стабилизации» (VI, 140). Всю эту главу Шолохов заканчивает указанием на характер дальнейшего повествования:

«В Быхове, в женской гимназии, бесславно закончилось ущемленное историей корниловское движение. Закончилось, породив новое; где же, как не там, возникли зачатки планов будущей гражданской войны и наступления на революцию развернутым фронтом?» (VI, 141).

Таким образом, Шолохов не только раскрывает антинародность, беспочвенность корниловского мятежа против революции, отсутствие опоры у корниловцев даже в среде казачества, на которое они надеялись. Писатель прежде всего обращает внимание на рост революционного сознания казаков и тем самым подготавливает читателя к показу острой классовой борьбы, которая развернулась на Дону во время Великой Октябрьской революции и гражданской войны.

6.

Уже в первой книге, обратившись к воссозданию конкретных событий первой империалистической войны, Шолохов вводил в художественную ткань романа историко-хроникальные элементы, военно-теоретические экскурсы о положении русских войск на фронтах. Во второй книге писатель еще охотнее прибегает к историко-публицистическим характеристикам. Они обеспечивали более широкий охват событий, давали возможность глубже осмыс-

лить связанные с ними пути героев романа. С помощью историко-хроникальных глав Шолохов вводит читателя в ту обстановку, которая сложилась на Дону после свершения Великой Октябрьской социалистической революции.

Революция, начатая в центре, быстро распространялась по всей стране. Началось триумфальное шествие Советской власти. Но в Сибири и на Юге страны революционные силы натолкнулись на сопротивление так называемых «национальных советов» и областных «правительств». Эти, буржуазные по своей природе, «национальные правительства» становились оплотом контрреволюционных сил России. Войну Советской власти объявило и войсковое правительство донского атамана Каледина. Опираясь на контрреволюцию, бежавшую на юг, оно принимало все меры для сохранения и укрепления буржуазного порядка.

Шолохов сообщает, что в ноябре 1918 г. на Дону появился генерал Алексеев и начал сколачивать добровольческие отряды из деклассированных элементов и наиболее активных контрреволюционеров из казаков, затем прибыли генералы Деникин, Лукомский, Марков, Эрдели, а в начале декабря — Корнилов¹⁾. «Новочеркасск, — пишет Шолохов, — стал центром притяжения для всех бежавших от большевистской революции. Стекались в низовья Дона большие генералы, бывшие вершители судеб развалившейся русской армии, надеясь на опору реакционных донцов, мысля с этого плацдарма развернуть и повести наступление на обсовеченную Россию» (VII, 110).

После провала корниловского мятежа контрреволюция стягивает на Дон казачьи полки, рассчитывая на их помощь в борьбе с Советской властью. Но надежды белогвардейских правителей не оправдались. Классовая борьба на Дону становится еще более ожесточенной. Шолохов пишет: «Казачья, уставшая от трехлетней войны, вернувшаяся с фронта революционно настроенными, не изъявила особой охоты драться с большевиками» (VII, 111).

«... Дело Каледина, — говорил В. И. Ленин, — дело безнадежное, трудящиеся массы против него. Опыт Совет-

¹⁾ XX главу IV части Шолохов посвятил описанию подготовки к бегству и бегства из местечка Быхова на Дон руководителей августовского мятежа во главе с Корниловым.

ской власти, пропаганда делом, примером советских организаций берет свое, и внутренняя опора Каледина на Дону теперь падает не столько извне, сколько изнутри»¹⁾.

Шолохов указывает, что Каледин, потеряв веру в надежность казачьих полков, начал расформировывать их. «Изо дня в день ветшавшая, немощная войсковая власть» (VII, 111) могла опереться лишь на бандитские отряды Чернецова, Семилетова, Грекова, которые и были брошены Калединым против отрядов Красной гвардии, посланных на Дон Советским правительством.

Шолохов не ограничивается историко-хроникальными характеристиками. Он отбирает главное и воплощает конкретные исторические факты в художественные образы. Писатель рисует картину безнадежного положения контрреволюции, показывает обреченность ее на гибель, закономерность самоубийства Каледина.

Интересно, что Алексей Толстой тоже обращается к эпизоду самоубийства Каледина, подчеркивая крах белогвардейского движения²⁾). Оба писателя используют в основном один источник — воспоминания Деникина. Но если в «Хождении по мукам» эта сцена занимает небольшое место в историко-хроникальной главе, лишь частично развертываясь в художественное повествование, то в «Тихом Доне» подробно описывается обсуждение Калединым вопроса о передаче власти в другие руки. Чтобы резче подчеркнуть неизбежность гибели белогвардейского движения, Шолохов прибегает к пейзажным зарисовкам, метким характерологическим деталям, авторским оценкам: «п а с м у р н о е у т р о», «г о р о д , з а в у а л и р о в а н н ы й т у м а н о м и и н е м , д р е м н о м о л ч а л», «с л у х н е п р о щ у п ы в а л о б ы ч н о г о п у л ь с а ж и з н и», «о р у д и й н ы й г у л . . . м е р т в и л д в и ж е н и е», «з а о к н а м и с у х о и ч е т к о к р и ч а л и п е р е л е т а в ш и е в о р о н ы . О н и к р у ж и л и с ь н а д б е л о й к о л о к о л ь н е й , к а к н а д п а д а л ь ю».

Этим же целям служит и портретная характеристика самого Каледина, во внешности которого подчеркивается безжизненность, опустошенность, равнодушие: «Верхушки щек его пожелтели от бессонницы, под выцвет-

1) В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 26, стр. 420.

2) Ср.: А. Толстой. Полн. собр. соч., т. VII, М., ГИХЛ, 1947, стр. 307—308; М. Шолохов. «Тихий Дон». М. ГИХЛ, 1941, стр. 282—283.

ши и угрюмоватыми глазами лежали синие тени; словно тлен тронул и изжелтил его похудевшее лицо». «Под обвисшими бровями тускло, с людяным блеском, туманились глаза. Безмерная усталость, отвращение, надрыв делали взгляд его отталкивающим и тяжелым». (VIII, 91).

Если А. Толстой беллетризирует сцену самоубийства Каледина, то автор «Тихого Дона» идет другим путем. У него Богаевский заходит в спальню, когда атаман уже мертв. Значительно проще рисуя смерть Каледина, Шолохов сосредоточивает внимание на раскрытии поведения лиц, окружающих атамана. Их растерянность, подавленность доходит до безумия («Молдавский зарыдал», Богаевский заикался, «хрипло дышал», «слышался неузнаваемо страшный, раздавленный голос Марии Петровны Калединой», Карев «крупно, редко дрожал», «глухое, воюще-звериное рыдание возросло» и т. п.). Со всем предшествующим описанием перекликаются замечательные строки, завершающие главу: Богаевский слышит через окно «пророческое, обрекающее и звучащее карканье ворон».

Шолохов подчеркивает неизбежность бесславной гибели не только калединцев, но и корниловцев, передает те же настроения предрешенности их борьбы с революционным народом.

Рассказав о вручении власти походному атаману Назарову после смерти Каледина, о том, как казаки отказались защищать войсковое правительство, как «рушились трухой последние надежды», Шолохов сообщает о решении Корнилова уходить на станцию Ольгинскую, в так называемый первый Кубанский поход.

Довольно откровенное описание развала корниловской «армии», содержащееся в воспоминаниях Деникина, послужило Шолохову лишь отправной точкой для того, чтобы еще больше подчеркнуть бесперспективность той борьбы с народом, которую начал бездарный Корнилов, опираясь на пестрое сборище выброшенных из жизни людей. Писатель сравнивает войсковую колонну врага с «жирной черной гадюкой», которая «извиваясь поползла на Аксай».

Создавая образную картину отступления корниловцев, Шолохов вводит в повествование есаула Листницкого и

через его общение с другими офицерами передает моральное падение белогвардейцев. Каждый из них, действительно, замыкается «в свои тяжелые думы», «занят своими мыслями». Поручик Головачев, высморкавшись, вытирал «пальцы о полы шинели»; уже беззубый «матерый лисовин» полковник Ловичев «шморгал носом, морщился от холода» и по-стариковски кряхтел, искал сочувствия, «хныкал», что у него в Смоленске осталась семья; Листницкого охватывала тоска, он «вяло переставлял ноги». Еще ярче сказывается разложение белого офицерства в сцене совещания в станице Ольгинской (в этой сцене писателем широко использованы данные мемуарной литературы). Шолохов передает разногласия генералов, разноречивость их мнений, обострение болезненного самолюбия, стремление к вождизму. Корнилову так и не удалось договориться с атаманом Поповым, который увел из Новочеркасска значительный отряд казачьего войска. Нарисованные здесь переговоры Добровольческой и Донской армий — предпосылка к показу в третьей книге склочности, продажности белых генералов.

Изображение белогвардейского лагеря, основанное на критическом использовании мемуарной литературы, имеет своей целью раскрыть внутренний раздор собравшихся на Дону генералов без войск, передать остроту классовой борьбы и неизбежность поражения контрреволюции. Разлагающемуся лагерю злобных врагов революционного народа Шолохов противопоставляет трудовое казачество, которое шло за большевистской партией, мужественно отстаивало молодую Советскую республику.

7.

Великая Октябрьская социалистическая революция, победив в центре, со стремительной быстротой распространялась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Революционное донское казачество повело решительную борьбу с контрреволюционной калединщиной, отказывалось защищать интересы генералов и атаманов, помещиков и капиталистов. Однако Каледин, опираясь на верные ему белогвардейские казачьи полки, в конце ноября повел наступление на Ростов и 2(15) декабря 1917 г. занял его. Советское правительство принимало самые решительные меры для борьбы с Калединами, обращалось к

казакам со специальным воззванием, в котором объясняло свою политику, посылало на Дон отряды Красной гвардии, агитаторов-казаков из казачьих полков, стоявших в Петрограде. В. И. Ленин горячо приветствовал «энергичную деятельность и беспощадную борьбу с каледи́нцами»¹⁾, которую вели отряды Красной гвардии, вступившие в середине декабря 1917 года в пределы Донской области.

Шолохов останавливается на важных этапах этой революционной борьбы на Дону: рисует бои отрядов Красной гвардии за Ростов, съезд фронтового казачества в станице Каменской и переход власти в руки Военно-революционного комитета. Писатель обращает главное внимание на то, как ширилась борьба трудовых масс Дона с каледи́нщиной. Для полноты охвата революционных событий этих лет на Дону он, с одной стороны, освещает деятельность Бунчука, с другой — вводит в повествование Федора Подтелкова, Михаила Кривошлыкова и других революционеров, существовавших в действительности и принимавших активное участие в революционной борьбе.

Бунчук, показанный раньше в агитационной работе среди казаков, возвращается на родину в Новочеркасск, а затем, выполняя задание «одного из ответственных петроградских товарищей», приезжает в Ростовский комитет партии. Раскрывая атмосферу борьбы за Советскую власть на Дону, Шолохов подробно описывает, как прибывший из Петрограда Бунчук организует пулеметную команду, готовит революционеров к защите города от каледи́нцев. Вместе с другими членами пулеметной команды (Погудко, Боговой, Геворьянц, Михалидзе, Хвылычко, Ребиндер, Крутогоров и др.) Бунчук участвует в боях за Ростов. Это были первые дни организации в Ростове Красной гвардии из не обученных еще военному делу железнодорожников, слесарей, типографских рабочих, ростовских металлистов, которые отстаивали Ростов от каледи́нских и алексеевских отрядов, сплошь состоявших из офицеров.

Один из участников борьбы с каледи́нщиной Г. Захарьянц вспоминает, что почти все красногвардейцы, еще не совсем обученные военному делу, «стреляли с постоянного прицела на расстоянии до двух верст и допускали

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. 3-е, т. XXIX, стр. 475.

ряд таких же нарушений»¹⁾). Шолохов, пользуясь, возможно, этими воспоминаниями, пишет: «В красногвардейской цепи, рассыпавшейся на окраинах Нахичевани, сказывалось суетливое беспокойство. Рабочие, многие в первый раз взявшие винтовки, испытывали боязнь... Огонь открыли без команды». «У пулемета, нелепо-высоко задравшего нос, пластами лежали номера: наводчик грек Михалидзе, взяв несуразно высокий прицел, жарил без передышки, растрачивая запас лент...». (VII, 122, 123).

Шолохов раскрывает все трудности защиты красного Ростова от наседавших белогвардейцев. Только что сформированные красногвардейские отряды не смогли сдержать натиска хорошо вооруженного врага. Калединцы оттеснили красногвардейскую цепь, в предместьях Нахичевани началось отступление. Оно приостановилось лишь тогда, когда с тральщиков полетели первые снаряды.

Об этих событиях газета «Наше знамя», орган Ростово-Нахичеванского комитета и Донского окружного бюро РСДРП(б), писала: «Судовая артиллерия днем 27-го стреляла по расположениям юнкеров. Были частые случаи перелетов. Однако одним снарядом вечером уничтожена совершенно позиция юнкеров за Нахичеванью, вблизи завода. Снаряд попал в самую гущу юнкерского отряда»²⁾.

Близко к цитируемому источнику описывает эти события и Шолохов. Он дает их через восприятие Анны Погудко:

«Давил скрежещущий, перемешанный с визгом вой пролетающих через головы снарядов, посылаемых черноморцами с тральщиков. Анна видела: один из красногвардейцев, рослый, в мерлушковой шапке, с усами, подстриженными по-английски, встречая и невольным поклоном провожая каждый пролетающий снаряд, кричал:

— Сыпь, Семен, подсыпай, Семен! Сыпь им гуще!

Снаряды и в самом деле ложились гуще. Моряки, пристрелявшись, вели комбинированный огонь. Отдельные кучки медленно отходивших калединцев покрывались частыми очередями шрапнели. Один из снарядов орудия, бившего на поражение, разорвался среди отступавшей не-

¹⁾ Г. Захарьянц. Организация Красной Армии в Ростове. В сб. «Пролетарская революция на Дону», сб. 2, Москва—Ростов, ГИЗ, 1923, стр. 55.

²⁾ «Наше знамя», Ростов н/Д, 1917, 29 ноября.

приятельской цепи. Бурый столб разрыва разметал людей, над воронкой, опадая, рассысывался дым» (VII, 125—126).

Так, скупые подробности боя за Ростов, полученные из газет, развертываются в художественное повествование. Писатель рисует эти события через восприятие лиц, участвующих в боях, связывает судьбы своих героев с этими конкретными событиями. Шолохов не дает последовательного изложения шестидневных боев за город, он ограничивается рядом ярких картин и затем сообщает о том, как 2 декабря красногвардейские отряды покинули Ростов.

Всё шире включая в сюжетную ткань произведения образ Бунчука, раскрывая его отношения с революционеркой Анной Погудко, Шолохов связывает этих героев с важными революционными событиями, происходившими на Дону в годы гражданской войны. Вместе со всеми покинул Ростов и тяжело заболевший тифом Бунчук. После выздоровления он приезжает в Миллерово, где находился Донской Ревком и верные ему части, участвует в боях против Чернецова, в освобождении Новочеркасска и аресте Войскового правительства атамана Назарова, а после занятия Ростова отрядами Сиверса работает в революционном трибунале, защищает город в апреле 1918 года от новочеркасских казаков. Раскрытие характеров Бунчука и Анны Погудко дает писателю возможность шире показать лагерь революции, напряженность революционной борьбы на Дону. Для этих же целей Шолохов вводит в повествование лиц, существовавших в действительности, рисует образы Подтелкова, Кривошлыкова, Лагутина, раскрывая их участие в революционной борьбе на Дону.

Федор Иванович Подтелков — первый председатель Донского Военно-революционного комитета, избранного на съезде фронтового казачества в станице Каменской. В апреле 1918 г., на I съезде Донской Советской Социалистической республики, которым руководил чрезвычайный комиссар юга России, уполномоченный ЦК партии большевиков Серго Орджоникидзе, Федор Подтелков был избран председателем Совета народных комиссаров Донской ССР. Вместе с Орджоникидзе, Кривошлыковым и другими Федор Подтелков вошел в состав президиума ЦИК Донской ССР.

Выступая на этом съезде от имени Советского прави-

гельства, С. Орджоникидзе говорил: «Я думаю, не будет преувеличением сказать, что сегодняшний день есть день горжества Советской власти. Здесь собралось трудовое казачество. А известно, что когда на севере буржуазия была разбита, то она бежала на Дон и здесь хотела воздвигнуть свой трон. Но Совет народных комиссаров верил, что трудовое казачество не пойдет против власти Советов, и в этом Совет народных комиссаров и вся трудовая Россия не обманулись. Подтверждением этого является настоящий съезд, на котором почетным членом избран товарищ Ленин»¹⁾.

Вскоре после этого съезда для молодой Донской Советской Республики наступили трудные дни: к Ростову подходили немецкие части, из Сальских степей двинулись белые отряды генерала Попова, с Кубани — войска Деникина. Был создан Чрезвычайный революционный штаб Донской Советской Республики, возглавляемый Серго Орджоникидзе. Членами этого штаба были руководители революционных казаков Подтелков и Кривошлыков. «За последние годы, до окончательной победы Советской власти, — писал А. И. Микоян, — наиболее светлой личностью революционных героев донского казачества был Подтелков. Но он был не один, много известных и неизвестных павших борцов за свободу казачества»²⁾.

Впервые в «Тихом Доне» Федор Подтелков, — «здоровый, плотный казак с погонями вахмистра гвардейской батареи» (VII, 107), — появляется во второй главе пятой части³⁾. Сообщая о том, что он сыграл «в истории революции на Дону немалую роль», Шолохов рисует знакомство с Подтелковым Григория Мелехова, обуреваемого противоречиями и только что пережившего влияние автономиста Изварина. Здесь же в рассказе самого Подтелкова приводятся некоторые факты его биографии⁴⁾. Опи-

¹⁾ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. 1911—1937, М., Госполитиздат, 1939, стр. 31.

²⁾ А. Микоян. Предисловие [к книге М. Донецкого «Донское казачество»]. Ростов н/Д, 1926, стр. 9.

³⁾ З. Орджоникидзе, описывая одну из встреч С. Орджоникидзе с Подтелковым, так рисует облик этого революционера: «Это был рослый, широкоплечий донской казак-фронтовик с открытым, добродушным русским лицом» (З. Орджоникидзе. Путь большевика. М., Госполитиздат, 1948, стр. 172).

⁴⁾ Они полностью совпадают с автобиографией Подтелкова, написанной им в 1918 г. для «Известий Новочеркасского Совета».

сывая внешность Подтелкова, Шолохов подчеркивает, что у него были «широкие плечи», «широкие... руки», «широкие колени», «широченная выпуклая грудь», а глаза «похожие на картечь», «светлели из узких прорезей, как из бойниц, пригиная встречный взгляд». В дальнейшем писатель настойчиво повторяет эту деталь («нацеливаясь картечинами глаз», «забегали... глаза-картечины», «заворочал картечинами глаз» и т. д.), стремится донести до читателя огромную силу, упорство Подтелкова. Выразительна и речь его, богатая образными народными выражениями, пословицами и поговорками («Тех же щей, да пожиже влей», «Прекрасная живуха... камень на шею — да с яру!», «Худые шаровары хоть наизнанку выверни, — всё одно те же дыры», «Нам от старины подальше, а то в такую упряжку запрягут, что хуже царской обозначится»).

В разговоре с Григорием Мелеховым Подтелков высказывается за немедленное свержение царя и уничтожение контрреволюции. Он за то, чтобы «власть к народу перешла» (VII, 109). Подтелков считает, что борьбу за народную выборную власть нужно вести до полной победы, «до конца», «до последнего» (VII, 109)¹⁾. Убежденность Подтелкова в необходимости борьбы с контрреволюцией была настолько велика, что даже Григорий, который в это время блуждал, «как метель в степи», поверил в правду Подтелкова («после недолгих колебаний вновь перевесила в его душе прежняя правда», VII, 107).

Однако уже в этой главе появляются черты, несколько искажающие облик Подтелкова, противоречащие его взглядам. Почему-то смутившийся и растерявшийся Подтелков высказывает националистические идейки относительно раздела земли между казаками: «Землей мы не поступимся. Промеж себя, казаков, землю разделим, помещицкую заберем, а мужикам давать нельзя. Им шуба, а нам рукава. Зачни делить, — оголодят нас» (VII, 110).

Включив Подтелкова в повествование, Шолохов сосредоточивает внимание на важных исторических событиях, в которых Подтелков, Кривошлыков и другие революционеры Дона принимали активное участие.

¹⁾ Эти высказывания вполне соответствуют политическим убеждениям Подтелкова, который, выступая 9 апреля 1918 г. в Ростове на I съезде Советов Донской Социалистической республики, высказывался за непримиримую борьбу с контрреволюцией, за полную победу Советов, за торжество социализма на Дону.

10(23) января 1918 года в станице Каменской, по инициативе большевиков был созван съезд фронтового казачества, имевший большое значение для разгрома каледищины и установления Советской власти на Дону. Об этом событии В. И. Ленин писал: «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым»¹⁾). Выражая уверенность в том, что донское казачество станет на путь трудового народа, Серго Орджоникидзе считал съезд в станице Каменской началом этого пути. «... Своим съездом в станице Каменской, — говорил С. Орджоникидзе, — трудовое казачество показало, что на Дону нет власти буржуазии. Этот съезд положил конец той банде, глава которой приужден был покончить самоубийством»²⁾).

Описанию этого съезда, на котором Войсковое правительство и Каледин были объявлены низложенными, а вся власть передавалась Донскому казачьему Военно-революционному комитету, Шолохов посвящает VIII и IX главы пятой части романа. Писатель детально рисует обстановку, в которой происходил съезд, связывает с этим событием не только судьбы конкретных исторических лиц, сохранивших в романе свои фамилии, но и судьбы вымышленных персонажей (от хутора Татарского на съезд приехали Котляров и Христоня).

Большую роль приобретают пейзажные зарисовки (описание зимнего январского дня), подробности хуторского и станичного быта тех лет, включающие в себя точное изображение обстановки. Описывая двор кулацкой коршуновской семьи, сообщая о том, что Митька Коршунов отказывается ехать делегатом от хутора в Каменскую, Шолохов уже этим раскрывает социальное лицо собравшегося там съезда казаков-фронтовиков. Конкретные исторические факты, на основе которых писатель строит всю эту главу, воплощаются в яркую художественную форму. Шолохов делает участниками съезда казаков-бедняков Христонию и Котлярова и, описывая их поездку в Каменскую, вкрапливает отдельные детали в авторское повествование («В Каменскую приехали к вечеру 10 января. По улицам большой станицы шли к центру толпы

¹⁾ «Ленинский сборник», т. XI, стр. 21.

²⁾ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. 1911—1937. М., Госполитиздат, 1939, стр. 31.

казаков. Чувствовалось заметное оживление»; «Съезд был в полном разгаре. Большая, многооконная комната едваместила делегатов. Многие казаки толпились на лестнице, в коридорах, в соседних комнатах»), в речь героев («— Где же, этот самый, стал-быть, съезд? — спросил Христоня». «— Наверное в окружном управлении или на почте, — ответила хозяйка...»). Удовлетворяя любопытство Христоня, Григорий Мелехов, входивший в отряд Подтелкова, называет некоторых делегатов съезда («— Кто это?..». — «Щаденко. Командир у большевиков». — «А это?» — «Мандельштам», «— Откель?», «— С Москвы» и т. д.). Приводит писатель отдельные выступления (Подтелкова, Лагутина и др.); передает реакцию на них казаков-фронтовиков, активно поддерживающих революционеров.

Известно, что в работе Каменского съезда активное участие принимали представители московских большевиков, Московского совета рабочих и солдатских депутатов. Видную роль в руководстве съездом сыграл Е. А. Щаденко. «В дни Великой Октябрьской социалистической революции Е. А. Щаденко формирует отряды Красной гвардии на Дону, поднимает казачью и иногороднюю бедноту на борьбу с Корниловым и Калединым¹⁾. Шолохов только упоминает о выступлении Щаденко, но не приводит его речи. А между тем, именно Щаденко и выступал на съезде от имени рабочих-шахтеров. «Указав на то, что Каледин, защищая помещиков и капиталистов, толкает казаков на гражданскую войну против рабочих и крестьян, Щаденко говорил об обреченности калединской казачьей контрреволюции. «За Советскую власть, — говорил тов. Щаденко, — стоят много миллионов рабочих и крестьян и, конечно, не кучке казаков справиться с народом». Он призывал казаков-фронтовиков дружно и решительно выступить против Каледина и покончить с этим очагом контрреволюции. Его речь произвела сильное впечатление на казаков»²⁾).

Не дает Шолохов обстоятельной характеристики и де-

¹⁾ К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, С. М. Буденный и др. — Е. А. Щаденко. «Правда», 1951, 7 сентября, № 250, стр. 4.

²⁾ П. В. Семернин, М. Н. Корчин, Я. Н. Раенко. Очерки истории большевистских организаций на Дону, ч. I, Ростов н/Д, Ростиздат, 1948, стр. 235 (Партархив Ростовского обкома ВКП(б)).

тельности Подтелкова во время съезда. Даже в хроникальной IX главе ничего не сказано о состоявшемся 11 января 1918 г. в станице Каменской пятитысячном митинге казаков, рабочих и крестьян, на котором Подтелков призывал сплотиться вокруг партии большевиков и выступить на борьбу с контрреволюцией. Вместо описания этих важных событий, в которых Подтелков принимал активное участие, писатель роняет попутно, казалось бы, незначительные штрихи, которые не только не рисовали облика Подтелкова как революционера и активного борца за Советскую власть на Дону, но, как нам думается, искажали представление о нем.

Кажется неуместным сообщение о том, что Подтелков любуется своей кожаной тужуркой (VII, 138), передается случайно подслушанный Григорием Мелеховым разговор казаков, из которого можно сделать вывод о стремлении Подтелкова не давать оружие шахтерам, о зависти его к мужикам и нежелание связываться с ними (VII, 152). Это сообщение искажало взгляды Подтелкова, добивавшегося полной передачи власти не только Советам казачьих, но и солдатских, рабочих, крестьянских депутатов. Шолохов указывал также на высокомерие Подтелкова: «Еще до избрания его председателем Ревкома он заметно переменялся в отношении к Григорию и остальным знакомым казакам, в голосе его уже тянули сквозняком нотки превосходства и некоторого высокомерия. Хмелем была власть в голову простого от природы казака» (VII, 151). В изображении Шолохова Подтелков оказывался не только высокомерным, но и грубым в обращении с казаками (VII, 159). Он непристойно вёл себя в быту, возил с собой «под видом милосердной сестры» Зинку, «белесую полногрудую девку» с явными замашками проститутки (IX—X, 158).

Все эти, казалось бы, мелкие детали, сообщенные Шолоховым в первых изданиях романа, не позволяли создать цельной, типической фигуры революционера. Следует сказать, что такие подробности отсутствуют в изученных нами источниках. Видимо, Шолохов был введен в заблуждение рассказчиками. Они давали ему сведения, среди которых писателю не удалось отобрать главное, определяющее сущность Подтелкова.

Ярче всего Шолохов рисует мужественное поведение Подтелкова на собрании Донского войскового правитель-

ства. Воюя с белогвардейцами за светлое будущее народа, Подтелков настойчиво требует передать власть «представителям трудового народа», «удалить всех буржуев и Добровольческую армию»¹⁾.

Проведя ряд сравнений шолоховского текста с историческими материалами, документами и мемуарами, убеждаешься в тщательной кропотливой работе писателя над источниками, в том, что Шолохов всегда стремится к исторической правдивости в малейших деталях. Однако в романе есть сцены, в которых писатель отступает от исторического материала. Чтобы убедиться в этом, следует сравнить сцену убийства Подтелковым белогвардейского есаула Чернецова с сообщением председателя бюро Военно-революционного комитета Донской области Совету Народных комиссаров от 29 января 1918 г. за № 7203. В этой телеграмме сообщается следующее:

«Доблестными и решительными действиями революционных войск отряд Чернецова был смят и обращен в бегство. Сам Чернецов и 40 офицеров были взяты в плен. По дороге Чернецов пытался стрелять в конвоировавшего его председателя казачьего областного военно-революционного комитета, за что им был убит»²⁾.

Шолохов гораздо шире освещает это событие:

«Подтелков... подошел к пленным. Стоявший впереди всех Чернецов глядел на него, презрительно шуря светлые отчаянные глаза; ~~вот~~ ~~вот~~ отставив левую ногу, покачивая ею, давил белой подковой верхних зубов прихваченную изнутри розовую губу. Подтелков подошел к нему в упор. Он весь дрожал, немигающие глаза его ползали по изрыт-влённому снегу, поднявшись, скрестились и обломили тяжестью ненависти бесстрашный, презирающий взгляд Чернецова.

¹⁾ В описании переговоров с войсковым правительством Шолохов опирается на различные источники, на отчеты «Донской волны», «Донской правды» и других газет. Эти материалы приведены и в ряде книг. См., напр. А. Френкель. Орлы революции. Ростов н/Д, ГИЗ, 1920, стр. 35, 36, 39. Ряд сцен X главы V части совпадает с данным источником полностью (ср., напр. разговор Подтелкова с Калединым и Богаевским, речи Лагутина и др.).

²⁾ ЦАОР, ф. 1235. 1918 г., оп. 52, д. № 401, л. л. 1-3, ф. 130, оп. 12, д. № 31, лл. 9, 10. Опубликовано впервые в журнале «Красный архив» 1936, № 3(76), стр. 27—28, затем в кн. «Документы по истории гражданской войны в СССР», т. I. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941, стр. 48.

— Попался... гад! — kloкочущим низким голосом сказал Подтелков и ступил шаг назад; щеки его сабельным ударом расплосовала кривая черная улыбка.

— Изменник казачества! Под-лец! Предатель... — сквозь стиснутые зубы зазвенел Чернецов...

— Но-о-о-о..., — как задушенный, захрипел Подтелков, кидая руку на эфес шашки.

Сразу стало тихо. Отчетливо заскрипел снег под сапогами Минаева, Кривошлыкова и еще нескольких человек, кинувшихся к Подтелкову. Но он опередил их; всем корпусом поворачиваясь вправо, приседая, вырвал из ножен шашку, и, выпадом рванувшись вперед, со страшной силой рубнул Чернецова по голове... ¹⁾

Подтелков уже лежачего рубнул его еще раз, отошел постаревшей грузной походкой, на ходу вытирая покатые доли шашки, червоневшие кровью» (VII, 160).

Из приведенной выше телеграммы видно, что Подтелков убивает Чернецова за попытку стрелять в него. У Шолохова же Подтелков зарубил Чернецова в порыве гнева, несмотря на то, что Кривошлыков и Минаев стремились предупредить этот поступок. Возможно, что текст телеграммы и не был знаком Шолохову, хотя он и работал в московских архивах, но писатель мог воспользоваться добросовестными показаниями очевидцев» ²⁾.

¹⁾ Здесь через восприятие Григория Мелехова передается смерть Чернецова.

²⁾ Как раз во время работы Шолохова над «Тихим Доном» вышла книжка ростовского журналиста Дан. Делерт «Дон в огне» (Ростов н/Д, «Севкавказ», 1927). В ней эти события изложены так: «Пленного Чернецова вел сам Подтелков. Не обыскивая, взял слово, что тот не сбежит. Но охранял, опасаясь, что бойцы оставят его на месте. Напомнил, как вместе когда-то служили... «— А вот теперь разошлись пути... Свихнулся ты...» Резким взмахом Чернецов выхватил браунинг, пальнул. Осечка... Мигнула шашка Подтелкова... Взмах... Хряск... Вскрик...» (стр. 39). Видимо, на эти же материалы опирается и И. Горелов в книге «Подтелков и Кривошлыков» (Ростов, 1937). Он пишет: «Группу офицеров привели в Ревком. Подтелков вышел навстречу: «А ну, где тут «герой» Чернецов?». Чернецов стоял впереди и молчал. Подтелков подошел к нему: «Вот бумага, напиши о своем поражении, мы отошлем это Каледину... Обезоруженный Чернецов сощурил презрительно глаза, вытащил носовой платок и одновременно неизвестно откуда (из рукава кожанки?) вмиг выхватил небольшой револьвер и направил дуло в голову Подтелкова... Осечка... Подтелков запыхал гневом: «А, гад, исподтишка! — и, выхватив шашку, с одного маху (подчеркнуто мною. — В. Г.) пересек есаула надвое» (стр. 64).

В первых изданиях романа Шолохов задерживал внимание читателя на этой сцене. После описания того, как Подтелков ударил Чернецова саблей, писатель через восприятие Григория Мелехова рисует смерть Чернецова. Григорий видел, как Чернецов заслонял голову от удара рукой, как сломалась перерубленная кисть, как падал Чернецов, мучительно зажмурил глаза, как Подтелков «уже лежащего» рубнул его «еще раз». Зачем понадобилась такая детальная передача смерти белогвардейского бандита через восприятие именно Григория Мелехова и зачем нужен дополнительный штрих рубить еще раз уже разрубленного надвое Чернецова? Думается, что Шолохов отклоняется от достоверного материала для того, чтобы психологически подготовить уход Григория из отряда Подтелкова. Такую детализацию Шолохов считал необходимой для мотивировки дальнейшего поведения Григория, для показа человека, не понимающего остроты классовой борьбы, постепенно уходящего от революционного на- рода.

Еще раньше, после рассказа о том, как в Григории побеждало «свое, казачье», Шолохов раскрывает содержание его сна, который по своему смыслу переключается с другим сном, приведенным в четвертой книге. Григорий видит во сне «бескрайнюю, выжженную суховеем степь, розовато-лиловые заросли бессмертника, меж чубатым сиреневым чеборцом следы некованных конских копыт... Степь была пустынна, ужасающе тиха. Он, Григорий, шел по твердой, супесчаной почве, но шагов своих не слышал, и от этого подступал страх... (V, 143).

Этот сон, во время которого Григорий ощущает свое одиночество, имеет аллегорический смысл: Григорий, в отличие от основной массы трудового казачества, начинает запутываться в противоречиях, не может определить своего правильного пути, отступает от «большой человеческой правды».

Шолохов раскрывает неустойчивость Григория Мелехова, который идет по жизни ощупью, не уверен в правильности избранного пути, легко меняет свои убеждения.

Расправа над Чернецовым, показавшаяся Григорию несправедливой, толкает его на «кривую стежку», на путь преступлений. Писатель осуждает Григория за безумную попытку убить Подтелкова и уйти из отряда: «сзади его поперек схватил Минаев, ломая, выворачивая руки, отнял

наган, заглядывая в глаза померкшими глазами, задыхаясь, спросил: «А ты думал, — как?» (VII, 161). Но тот же Минаев не оправдывает и Подтелкова, стремится удержать его от безрассудного поступка. Несмотря на это, писатель дает изобилующую натуралистическими подробностями картину рубки пленных, устроенную по приказанию Подтелкова.

Подтелков временами теряет человеческий облик, дрожит, глаза его не мигают; он хрипит, как задушенный, кричит «лающим голосом», «хлипло всасывает воздух», «мочает головой», улыбается «черной улыбкой» и т. д. (VII, 159, 160). Он грубо разговаривает с Григорием, говорит с бешенством, свирепо выкатывая глаза, наливаясь кровью (VII, 159). Всеми этими деталями мотивируется решение Григория «отвернуться от всего бурлившего ненавистью, враждебного и непонятного мира». Он и на этот раз сворачивает с верной дороги, покидает отряд Подтелкова, выходит из борьбы. «Трудно нащупывалась верная тропа, — раскрывает Шолохов настроения Григория, — как в топкой гати, зыбилась под ногами почва, тропа дробилась, и не было уверенности — по той ли, по которой надо, идет. Тянуло к большевикам — шел, других вел за собой, а потом брало раздумье, холодел сердцем. «Неужто прав Изварин? К кому же прислониться, у кого полной пригоршней почерпнуть уверенности?» (VII, 163).

Рисуя жизнь хутора Татарского, куда возвратился Григорий Мелехов, Шолохов раскрывает настроение казаков, многие из них, подобно Григорию, тянутся к своему хозяйству, не желают отрываться от него. Отравленные клеветой, которую щедро сеяла среди казаков белогвардейская пропаганда, стремясь очернить Советскую власть и Красную Армию, они начинают думать, что пришедшие на Дон красноармейцы стремятся к захвату казачьих земель.

На эти настроения и опирались контрреволюционные силы, поднимая верхнедонское восстание и организуя казаков на поимки экспедиции Подтелкова.

Бытовые картины, массовые сцены, в которых раскрываются характеры персонажей, связанных с хутором Татарским, и вся сложность революционной борьбы на Дону, Шолохов, как и раньше, перемежает с историко-хроникальными описаниями. Это дает возможность писателю не только шире охватить историю гражданской войны на

Дону, но и глубже осветить пути казачества в революции.

Положение Советской власти на Дону к маю 1918 г. стало особенно сложным и напряженным. Характеризуя это тяжелое положение юга страны, С. М. Киров говорил: «Каждая область хочет жить самостоятельно: одни стремятся водворить Советскую власть, как в Петрограде, другие борются за свержение Советской власти. В последнем отношении особенно жестоко выступает «тихий Дон», который теперь превратился в широкий поток человеческой крови. На Дону засели большие силы контрреволюции, которые стараются воспользоваться былой дисциплиной казачества, силятся раздавить демократическое движение на Дону, а затем направить свои силы против центральной России»¹⁾.

Революционные силы шахтеров и казаков отряда Подтелкова героически защищали Ростов и Новочеркасск от белогвардейских войск, но к Ростову подступали немецкие полчища. Необходимо было прорваться в северную часть Донской области и сформировать новые отряды из казаков-фронтовиков.

«Штаб обороны, — рассказывает З. Орджоникидзе, — выделил чрезвычайную мобилизационную комиссию. В ее состав вошли Федор Подтелков и Михаил Кривошлыков. Комиссия эта, возглавляемая Подтелковым, была отправлена по распоряжению Серго в Усть-Медведицкий и Хоперский округа. 1 мая пролетарии Ростова праздновали великий праздник труда. Серго был на демонстрации. Неожиданно белогвардейцы открыли оружейную стрельбу по городу. Снаряды стали разрываться в центре. В голубом ясном небе появился самолет. Началась паника... Мобилизационная комиссия в тот же день выехала на север»²⁾.

Шолохов, ограничившись хроникальным описанием обстановки, сложившейся на Дону к апрелю—маю 1918 г., подробно характеризует деятельность подтелковской экспедиции, рисует весь ее путь и гибель, используя «наброски участника и очевидца» этого похода — А. Френкеля. Сравнение шолоховского текста с воспоминаниями

¹⁾ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. 1912—1934, М., Госполитиздат, 1939, стр. 104.

²⁾ З. Орджоникидзе. Путь большевика. М., Госполитиздат, 1948, стр. 172—173.

поможет проследить процесс работы писателя над этой частью романа.

В кн. «Орлы революции»

В «Тихом Доне»

Для мобилизации революционного фронтового казачества, находившегося более, чем в других местах, в Усть-Медведицком и Хоперском округах, и была избрана мобилизационная комиссия пяти с Подтелковым во главе.

1-го мая... чрезвычайная мобилизационная комиссия двинулась из Ростова на север мобилизовать красную казачью армию против двинутых на Дон контрреволюционной буржуазией германских войск и офицерско-казачьих банд... Вместе с этой комиссией направлялось несколько партийных работников, среди которых был и автор этих строк, человек 20 казаков-агитаторов и небольшой отряд Каменской местной команды для охраны денежного ящика с 10 млн. рублей, предназначенных для нужд мобилизации. Всего в экспедиции Подтелкова, как ее называли по дороге, первоначально было 130, а под конец около 100.

Пятидневное передвижение экспедиции по железной дороге было полно всяческих препятствий. Переполнение путей эшелонами беспорядочно и панически отступающих партизан вызвало длительные стоянки и ожидания. Злоумышленные крушения поездов, порча пути, взрывы мостов, что с адской изворотливостью проделывали на каждой версте возмущившиеся казаки, — всё это вынуждало часто останавливаться, чинить пути и сваливать

Создали чрезвычайную мобилизационную комиссию пяти во главе с Подтелковым. 29 апреля из казначейства взяли десять миллионов рублей золотом и николаевскими для нужд мобилизации, наспех сгребли отряд для охраны денежного ящика, преимущественно из казаков бывшей каменской местной команды, забрали несколько человек казаков-агитаторов, и 1 мая, уже под обстрелом немецких аэропланов, экспедиция тронулась по направлению на Каменскую.

Пути были забиты эшелонами отступавших с Украины красногвардейцев. Казаки-повстанцы рвали мосты, устраивали крушения. Ежедневно над линией Новочеркасск—Каменская по утрам появлялись немецкие аэропланы...

Безмерное разрушение сказывалось во всем: над откосами углились сожженные и разломанные вагоны, на телеграфных столбах сахарно белели стаканы, перевитые оборванными проводами. Многие дома были разрушены, щиты над линией сметены, будто ураганом...

Экспедиция пять дней пробивалась по направлению на Миллерово. На шестой утром Подтелков созвал членов комиссии в свой вагон.

— Так ехать нету могуты! Давайте кинем все наши пожитки и пойдем походным порядком...¹⁾

Сорок с лишним подвод, нанятых в Белой Калитве, тяну-

¹⁾ Здесь опускаются сцены обсуждения этого вопроса и выгрузки экспедиции из вагонов.

под откосы ломанные вагоны и паровозы... Всё это задерживало и раздражало нашу экспедицию.

И, оставив поезд со всеми вещами у Белой Калитвы, экспедиция спешно двинулась походным порядком к Усть-Медведицкому округу. По дороге нам повстречалось несколько тысяч шахтеров, которым едва удалось живым уйти со своими семьями с рудников Белокалитвенского горного района. У разъезда Грачи с нами поровнялись утомленные и распыленные красные отряды, двигавшиеся из Каменской под руководством Щаденко и Романовского ¹⁾.

лись по дороге. Лошади шли медленно. Суглинисто-черноземная почва, размякшая от дождя, затрудняла движение. Грязь цеплялась на колеса, наматывалась черными ватными хлопьями. Вперед и сзади толпами шли шахтеры Белокалитвенского района. На восток уходили от казачьего произвола. Тащили за собой семьи, утлый скарб.

Возле разъезда Грачи их нагнали растрепанные отряды красновардейцев Романовского и Щаденко. Лица бойцов были землисты, измучены боями, бессонницей и лишениями. К Подтелкову подошел Щаденко. Красивое лицо его, с подстриженными по-английски усами и тонким хрящевым носом, было испито. Бунчук проходил мимо, слышал, как Щаденко — брови в кучу — говорил зло и устало:

— Та что ты мне говоришь? Чи я не знаю своих ребят? Плохи дела, а тут немцы, будь они прокляты! Когда теперь соберешь?

После разговора с ним Подтелков, нахмуренный и как будто слегка растерявшийся, погнал свою брнчку... (IX—X, 157—160—161).

Шолохов заимствует из воспоминаний конкретный фактический материал о составе мобилизационной комиссии, о средствах и охране ее, о дне выезда из Ростова. Опирается писатель на сообщения А. Френкеля и в описании обстановки продвижения экспедиции Подтелкова по железной дороге, сообщает о движении ее с Белой Калитвы походным порядком, о встрече у разъезда Грачи с красными отрядами Романовского и Щаденко.

¹⁾ А. А. Френкель. Орлы революции. Ростов н/Д, ГИЗ, 1920, стр. 19—20. В основу этой части воспоминаний положена статья того же автора «Гибель экспедиции Подтелкова», опубликованная в «Известиях ЦИК Донской Советской республики и Царицынского штаба Красной армии». 1918, 8 июля, № 5.

Мемуарные данные явились фактической основой для художника, который и на этот раз подчиняет заимствованный материал целям художественного повествования, характеристике персонажей. Вся эта глава начинается раскрытием психологического состояния Бунчука, тяжело переживающего гибель Анны. Этим писатель не только связывает предшествующие главы с дальнейшим повествованием, но и включает в новые события Бунчука, приглашенного Кривошлыковым участвовать в экспедиции. Только после этого писатель обращается к краткой характеристике той обстановки, которая сложилась на Дону к маю 1918 года. Если мемуарист в данном случае описывает события, сообщает отдельные факты, то Шолохов, опираясь на них, рисует исторически-конкретные сцены, в образной форме передающие сущность той обстановки, в которой оказался отряд Подтелкова. Для этого писатель вводит сцены совещания членов комиссии пяти, встречи Подтелкова со Щаденко, глубоко понимавших всю опасность, нависшую над советским Доном. Рисует писатель и казаков, томящихся в вагонах и заглушающих шуткой предчувствие тревожных событий. Этим же целям подчинено и описание окружающей природы: «моросил дождь», «мокрела низкорослая трава вдоль дороги». Казалось бы, только Бунчук находится «в состоянии временного ухода из действительности», но и он постепенно начинает понимать сложность обстановки, оказавшись случайным свидетелем разговора Подтелкова со Щаденко.

Рисуя совещание Подтелкова с членами мобилизационной комиссии, Шолохов допускает некоторые неточности в характеристике секретаря Донского казачьего военно-революционного комитета Михаила Кривошлыкова. Он был введен в повествование раньше, при описании съезда в станице Каменской, но Шолохов не сосредоточил внимания на его революционной деятельности¹⁾.

¹⁾ Известно, что Кривошлыков призывал казаков идти с большевиками, со всем трудовым русским народом. О себе он прямо заявлял: «Я — революционер». В одном из воззваний к казакам, разоблачая «врагов трудового народа — кадетов, офицеров, помещиков, соединившихся с немецкой буржуазией и их белой гвардией», Кривошлыков говорил, что «большевики добровольно и бесстрашно в сознании долга умирают за свободу всех трудящихся». Здесь же Кривошлыков призывал к революционной борьбе крестьянство и трудовое казачество». Цит. по кн. М. Н. Корчин. Донское казачество. Ростов н/Д., 1949, стр. 112).

Оказавшись в плену субъективной оценки, данной Кривошлыкову в книге А. Френкеля, автор Тихого Дона рисовал этого революционера преимущественно как «мечтателя и поэта» (IX—X, 164)¹⁾, заставлял Кривошлыкова подчас неуместно декламировать стихи²⁾. Такая характеристика определила и внешний облик Кривошлыкова. Он у Шолохова — «узкоплечий, сухой, как подросток», юноша с детски ясными глазами (VII, 138), с «девичье-звонким и в то же время неярким голосом» (VII, 140).

Пользуясь сведениями о том, что Кривошлыков во время экспедиции в северные округа был тяжело болен малярией, Шолохов указывает на его пассивность, безучастность («Его трепала лихорадка, от хины звенело в ушах, голова, начиненная болью, пылала», он «сидел, сгорбясь», «мелко трясся, охваченный пароксизмом лихорадки», глаза его были затянuty «мутной пеленой» и т. д.). Кривошлыков не принимает участия в обсуждении вопроса — идти ли в северные станицы походным порядком или медленно продвигаться по железной дороге. Вместо этого Шолохов ввязывал Кривошлыкова в спор с проституткой Зинкой, «шмарой» Подтелкова, которая грубо обзывала его (XI—X, 158). «Из членов комиссии, — пишет Шолохов, — казалось, только Подтелков учитывал весь ужас сложившейся обстановки» (IX—X, 165).

Однако Шолохов указывает и на то, что Бунчук видел, как Кривошлыков в чем-то убеждал Подтелкова, и тот повеселел, почувствовал поддержку: «— Гони! — крикнул Подтелков, щурясь, распахивая навстречу ветру кожаную куртку» (IX—X, 161).

Уверенностью в победе, горячим желанием спасти Советскую власть на Дону Подтелков сплачивает членов отряда, поддерживает железную дисциплину в нем. Он спешит прибыть в северные станицы до прихода туда контрреволюции, чтобы отмобилизовать несколько полков для борьбы с германскими и белогвардейскими войсками. Подтелков уверенно заявляет своим товарищам: «Успе-

¹⁾ «Нежный, мечтательный, с душой и думами поэта»... (А. Френкель, «Орлы революции», стр. 35).

²⁾ Кривошлыков цитирует следующие строки из стихотворения Некрасова «Блажен незлобивный поэт» (1852): «Мы слышим звуки одобренья не в сладком рокоте хвалы, а в диких криках озлобленья»... (VII, 139), а затем — стихи Лермонтова: «Божь одного я, что в мире ином — друг друга уж мы не узнаем.» (IX—X, 177).

ем! Прорвемся! Через две недели буду бить и белых и германцев! Аж черти их возьмут, как попрем с донской землей!.. Опоздаем — погибли и мы, и Советская власть на Дону. Ох, не опоздать бы! Ежли попереди нас докатится туда офицерское восстание — всё!» (IX—X, 163) ¹⁾.

Передав вслед за Френкелем всю сложность обстановки, в которой оказался отряд Подтелкова ²⁾, Шолохов рассказывает о том, как сопротивлялся Подтелков решению сдать восставшим казакам. Сравним воспоминания А. Френкеля с текстом романа:

В кн. «Орлы революции»

В хутор Калашников, Поляково-Ноголинской волости, мы прибыли уже ночью. Подтел-

В «Тихом Доне»

В хутор Калашников, Поляково-Наголинской волости, приехали уже ночью. Казаки

¹⁾ Подтелков уверенно заявлял: «Я в пару дней соберу несколько полков из фронтовых казаков, и мы двинем их против немцев и белых, и положение будет спасено» (Партархив Ростовского округа ВКП(б), ф. 12, оп. 12—13, св. 18, д. 838, л. 25. Цит. по кн.: М. Н. Корчин. Донское казачество. Ростов н/Д., Ростиздат, 1949, стр. 112). Ср.: А. Френкель. Орлы революции, стр. 20.

²⁾ «Только 9 мая к вечеру мы вступили в Усть-Медведицкий округ. Когда мы приближались к первому хутору Краснокутской станции, нам повстречались едущие на телеге молодой казак-фронтвик с женой и со своим отцом-стариком. Подтелков не преминул, конечно, остановить фронтвика и стал любовно его расспрашивать. На вопрос, почему он в кокарде и погонах, фронтвик стал в ответ жаловаться, что опять пошел старый режим. Жена его, узнав среди нас казаков, добродушно разоткровенничалась: «Позавчера только позакрывали Советы, и опять пришло атаманье...» Эта встреча убила в Подтелкове ту надежду, которой он всё время пылал: «— Всё пропало, — сказал он, — мы опоздали на два дня; теперь ничего не сделаешь...» Мы всё-таки двинулись дальше. Миновав попавшийся нам по пути Алексеевский хутор, мы направились к поселку Рубашкино, населенному тавричанами (прошлыми очень зажиточными крестьянами-кулаками). Как только мы спустились с холма в поселок, мы сразу заметили, как все жители поселка разбегаются: мужчины, женщины, дети на лошадях, на телегах, пешком, скачут, едут, бегут во все стороны прочь от поселка. Мы остановились, стали шапками и криками звать удирающих... Из расспросов мы узнали, что нашего квартирьера захватил и увел с собой казачий разъезд. А меж тем всё это время кругом на буграх мелькали всадники. Оставаться здесь на ночь было бессмысленно, и мы повернули обратно. Двигались мы по ложиистой местности. Весь наш путь освещали казачьи разведчики, беспрестанно маячившие на холмах по сторонам. Утомившись, промокну под дождем, держа всё время винтовки на изготове, наша экспедиция волновалась, торопила возниц и спешила скорее выбраться из этого гиблого места» (А. Френкель. Орлы революции, стр. 21—22). Ср.: «Тихий Дон». М., Гослитиздат, 1941, стр. 314—315.

ков, горячась и волнуясь, говорил:

— Только не спать, двигаться здесь, вперед, куда угодно, но не спать, а то нападут врасплох...

Вся наша экспедиция, разбитая и утомленная, разбрелась по хатам на ночевку. После неудачных попыток собрать команду Подтелков сильнее занервничал:

— Команда дорогой разложилась, — недовольно твердил он, — к бою она не годится. А без команды ничего не могу сделать. Пропало всё...

Расставили пикеты, охранения, выслали за село дозоры. И началась длинная тревожная ночь, полная мучительного беспокойства. Долго мы с Подтелковым бродили по поселку, пристально вглядываясь в таинственную тьму.

На рассвете мы стали собираться в путь. К 6—7 часам утра нам стало известно (да это и через бинокль видно было), что поселок окружен со всех сторон тысячами казаков. Как потом мы разузнали, контрреволюционеры были задолго предупреждены о нашей экспедиции. Были даже разосланы приказы о формировании охотничьих отрядов «для поимки бунтовщика Подтелкова, едущего организовывать среди казаков Красную гвардию»...

Когда Подтелкову сообщили, что казаки требуют сдачи оружия, и когда ему предложили отправить к ним делегацию, он вознегодовал:

— Как? Ведь это контрреволюция! Какие могут быть с ними разговоры; с ними мы боремся. За мною! в цепь!

Побежал Подтелков и за ним человек 30—40. На краю поселка, у бугра Подтелкова остановил член комиссии пяти, казак Мрыхин.

команды, покинув подводы, разбрелись по хатам на ночевку. Взволнованный Подтелков отдал распоряжение расставить пикеты, но казаки собирались неохотно. Трое отказались идти.

— Судить их товарищеским судом! За невыполнение боевого приказа — расстрелять! — горячился Кривошлыков.

Издеганный тревогой, Подтелков горько махнул рукой:

— Разложились дорогой. Обороняться не будут. Пропали мы, Мишатка!

Лагутин кое-как собрал несколько человек, выслал за хутор дозоры.

— Не спать, ребята! Иначе накроют нас! — обходя хаты, убеждал Подтелков наиболее близких ему казаков.

Он всю ночь просидел за столом, свесив на руки голову... Начали собираться к выступлению. Уже рассвело. Подтелков вышел из хаты. Хозяйка, доившая корову повстречалась ему в сенах.

— А на бугре конные едут, — равнодушно сказала она.

— Где?

— А вот за хутором.

Подтелков выскочил во двор: на бугре, за белым покровом тумана, висевшего над хутором и вербами левая, виднелись многочисленные отряды казаков. Они передвигались рысью и куцым наметом, окружая хутор, туго стягивая кольцо.

Вскоре во двор, где остановился Подтелков, к его тачанке стали стекаться казаки команды. Пришел мигулинец Василий Мирошников — плотный, чубатый казак. Он отозвал Подтелкова в сторону, потупясь, сказал:

— Вот, што, товарищ Подтелков... Приезжали зараз делегаты от них, — он махнул ру-

— Подтелков, какой полор! — стал он укорять его. — Против своих же братьев... Не надо кровопролития; столкнемся и так.

Подтелков, сам, очевидно, тоже не веря в свое предприятие, не надеясь на свои слишком малые силы, поддался на уговоры и вернулся в поселок.

Начались длительные и томительные переговоры, обмены делегациями. Наш отряд разбрелся по нескольким дворам. Поселок стал заполняться пришедшими казаками. Суровые старики, держа в руках вилы, ломы, дубинки, стояли молча и дико смотрели по сторонам; вовлечь их в разговор никак не удавалось. С фронтовиками же мы много и оживленно беседовали... (стр. 22—23).

кой в сторону бугра, — велели передать тебе, чтоб сейчас же мы сложили оружие и сдались. Иначе они идут в наступление.

— Ты!.. Сукин сын!.. Ты што мне говоришь? — Подтелков схватил Мирошникова за отвороты шинели, швырнул его от себя и побежал к тачанке; винтовку за ствол, хриплым, огрубевшим голосом к казакам: — Сдаться?.. Какие могут быть разговоры с контрреволюцией? Мы с ними боремся! За мною! В цепь!

Высыпали из двора. Кучкой побежали на край хутора. У последних дворов задыхавшегося Подтелкова догнал член комиссии Мрыхин.

— Какой позор, Подтелков! Со своими же братьями и мы будем проливать кровь? Оставь! Столкнемся и так!

Видя, что лишь незначительная часть команды следует за ним, трезвым рассудком учитывая неизбежность поражения в случае схватки, Подтелков молча выкинул из винтовки затвор и вяло махнул фуражкой:

— Отставить, ребята! Назад — в хутор.

Вернулись. Собрались всем отрядом в трех смежных дворах. Вскоре в хуторе появились казаки (IX—X, 167—168).

Как видно из сравнения, Шолохов, вслед за мемуаристом, сообщает о ночном приезде экспедиции в хутор Калашников, о том, с каким трудом были выставлены пикеты после того, как уставшая команда разбрелась по хатам на ночевку, как прошла тревожная ночь и как на рассвете, собираясь к выступлению, узнали об окружении хутора восставшими казаками. Шолохов почти дословно сохраняет речь Подтелкова, полного решимости драться до конца, и казака Мрыхина, остановившего его за хутором и указавшего на неизбежность поражения.

Но и на этот раз писатель, опираясь на фактическую

часть мемуаров, воплощает конкретные детали в художественные образы, достигает цельности, логичности повествования.

Шолохов начинает главу пейзажной зарисовкой, которая как бы предупреждает о надвигающейся опасности: «На западе густели тучи. Темнело. Где-то далеко-далеко, в полосе Обдонья вилась молния, крылом не добитой птицы трепыхалась оранжевая зарница. В той стороне блекло светилось зарево, принакрытое черной полосой тучи. Степь, как чаша, до краев налитая тишиной и влажной сыростью, гайла в складках балок грустные отсветы дня. Чем-то напоминал этот вечер осеннюю пору. Даже травы, еще не давшие цвета, лучили непередаваемый мертвенный запах тлена». Это пейзажное вступление созвучно настроению Подтелкова, ожидавшего на каждом шагу казачьи засады, глубже раскрывает его переживания.

Если мемуарист сообщает о тревожной ночи, полной мучительного беспокойства, о том, что говорил Подтелков вне связи с тем, кому он говорил и как реагировали на его слова товарищи, то Шолохов рисует беседу Подтелкова с Кривошлыковым, разговор его с наиболее близкими казаками, которых он убеждает не спать, вводит в его речь дружеские обращения («Мишатка», «ребятки»), раскрывает психологическое состояние человека, который, глубоко сознавая ответственность за судьбу отряда, проводит без сна всю ночь.

Сухое сообщение мемуариста («стало известно, что поселок окружен со всех сторон тысячами казаков») также получает образное воплощение: на рассвете хозяйка, доившая корову, равнодушно сказала Подтелкову, что за хутором — конные. «Подтелков выскочил во двор: на бугре, за белым покровом тумана, висевшего над хутором и вербами левад, виднелись многочисленные отряды казаков. Они передвигались рысью и куцым наметом, окружая хутор, туго стягивая кольцо» (IX—X, 167).

А. Френкель в безличной форме рассказывает далее: «Подтелкову сообщили, что казаки требуют сдачи оружия»; «ему предложили отправить к ним делегацию».

Шолохов же передает эти события через конкретное лицо. «Плотный, чубатый казак» Василий Мирошни-

ков отзывает Подтелкова в сторону и, потупясь, сообщает о предложении восставших. Подтелков в порыве гнева отшвырнул его от себя и, еще веря в победу, повел за собой казаков. Но, когда его остановил Мрыхин, Подтелков увидел, что с ним лишь незначительная часть отряда, «вяло махнул фуражкой». Шолохов мотивирует психологическое состояние Подтелкова, подчиняет полученные из мемуаров детали раскрытию его характера, передаче обстоятельств, в которых Подтелков был вынужден отказаться от своего решения принять бой с восставшими казаками.

Писатель распознал стремление мемуариста показать себя в выгодном свете и не использовал того места из воспоминаний, в котором автор их утверждал, что он, якобы, уговоривал Подтелкова не сдаваться, предостерегал его от этого, но Подтелков будто-бы не послушал его, не отдавал себе отчета в том, что происходило. Однако Шолохов всё-таки вложил это предупреждение в уста вымышленного героя Ильи Бунчука и сообщил, что Подтелков не прислушался к голосу коммуниста отряда, а понадеялся «на какой-то счастливый исход» (IX—X, 171). Эта деталь несколько нарушила психологический рисунок образа Подтелкова, излишне подчеркивала не свойственную ему доверчивость. Лишь только перед смертью Подтелков убеждается в своей роковой ошибке, начинает понимать, что их «обманули», что он «промаху дал» (IX—X, 177). Но опять-таки Подтелков считает, что причина гибели отряда не в доверчивости его, а в слишком позднем выходе из Ростова.

Не совсем точные сведения получил Шолохов и о поведении Кривошлыкова, который, по сообщению мемуариста, якобы «молча взирал на происходящее», находился «во власти какого-то болезненного угара». Введенный в заблуждение этими сообщениями, писатель отстраняет секретаря ревкома от участия в решении вопроса о судьбе отряда.

Кривошлыков даже не упоминается в то время, когда Подтелков больше всего нуждается в помощи и совете своего верного помощника и боевого друга. И лишь только перед смертью Кривошлыков, «мученически скаля зубы», заговорил: «Чорт с ними, пускай убивают! И помирать-пока не страшно... «Боюсь одного я, что в мире ином — друг друга уж мы не узнаем...» Будем там с

гобой, Федя, встречаться чужие один одному... Страшно!» (IX — X, 177) ¹⁾.

Сцены захвата в плен отряда Подтелкова основаны также на конкретных фактах, которые вкрапливаются в авторское повествование ²⁾. Коварным замыслом белогвардейцев писатель противопоставляет отношение к подтелковцам простых казаков, обманутых офицерами и не желающих суровой расправы. С одной стороны, Шолохов подробно выписывает сцену братания казаков-фронтовиков («звучали обрадованные восклицания, смех» «слышался звучный чмок поцелуя: двое казаков, разглаживая усы, глядели друг на друга, улыбались, хлопали один одного по плечу», «изумленно переглядывались»), с другой — поведение офицера Спиридонова, который вначале, обманывая подтелковцев, произносит лживые речи, уговаривает сдать оружие, а потом меняет обращение, потворствует озверевшим старикам-казакам, избивающим безоружных («Спиридонов что-то говорил ему, тонко и ехидно улыбаясь», «весело и широко осклабяясь», «Спиридонов построил пленных, скомандовал, сразу изменив тон и обращение: «Ряды вздой! На-ле-е-во! Правое плечо вперед, шагом марш! Молчать!», «Проходи сво-лочь! Издохнешь и без фамилии!»).

Опираясь на сообщение крестьян хутора Калашникова, рассказавших о жестоком избиении подтелковцев казаками-стариками, Шолохов раскрывает состояние Бунчука. Избитый казачьей плетью, он готов плюнуть Спи-

¹⁾ Письмо, написанное Кривошлыковым за несколько часов до смерти и доставленное его отцу одним из казаков, свидетелей казни, передает мысли Кривошлыкова, далекие от размышлений о «мире ином». Кривошлыков писал: «Папаша, мама, дедушка, бабуя, Наташа, Ваня и все родные. Я пошел бороться за правду до конца. Беря в плен, нас обманули и убивают обезоруженных. Но вы не горюйте, не плачьте. Я умираю и верю, что правду не убьют, и наши страдания искупятся кровью...» (И. Горелов. Подтелков и Кривошлыков. Ростов н/Д., Ростоблиздат, 1937, стр. 117).

²⁾ Возвращение Подтелкова с переговоров в хутор, приход делегации восставших во главе с подьесаулом Спиридоновым и верховым казаком с белым флагом, встречи бывших сослуживцев и одностаничников, лживые речи Спиридонова, призывавшего подтелковцев сдавать оружие, глухое волнение и протест среди казаков-красногвардейцев, разоружение экспедиции, сообщение о пулеметчике, ускакавшем из хутора с пулеметным замком, избиение красногвардейцев, расхищение их имущества. Ср.: А. Френкель. Орлы революции, стр. 24.

ридонову в лицо и мужественно умереть, не назвав врагам своей фамилии.

Введенный в заблуждение не точной передачей ряда сведений, относящихся к Подтелкову и Кривошлыкову, Шолохов сумел донести до читателя уверенность их в торжестве народной власти, их мужество в борьбе с врагами. Подтелков, хорошо сознавая, что восставшие против Советской власти казаки заблудились и, подстрекаемые белыми офицерами, пошли по неправильному пути, смело обвиняет их: «Темные, вы... слепые! Слепцы вы! Заманули вас офицерья, заставили кровных братьев убивать! Вы думаете, ежели нас побьете, так этим кончится? Нет! Нынче ваш верх, а завтра уж вас будут расстреливать! Советская власть установится по всей России. Вот попомните мои слова! Зря кровь вы чужую льете. Глупые вы люди!» (IX—X, 183); «Мы за трудовой народ, за его интересы, дрались с генеральской псюрнсей, не щадя живота, и теперь вот гибнем от вашей руки! Но мы вас не клянем... Вы — горько обманутые! Заступит революционная власть, и вы поймете, на чьей стороне была правда. Лучших сынов тихова Дона поклали вы вот в эту яму...» (IX—X, 184).

Мужественной смертью революционеров умирают Подтелков и Кривошлыков. Не одну былинку сложили о них советские казаки. Они прославляют Подтелкова и его боевых друзей «за свободу труда с честью павших в борьбе»¹).

На снимке, сделанном незадолго до смерти героев, Подтелков с гордо откинутой головой стоит вместе с Кривошлыковым у виселицы близ приготовленной для них ямы. «Подтелков и Кривошлыков, когда их вешали, — передает А. Френкель рассказы очевидцев, — держали себя изумительно твердо. Стоя у виселицы и держа петлю в руках, они обратились к народу с речью, говоря, что спокойно умирают за счастье трудящихся, и призывали не верить офицерам и атаманам»²). Шолохов нарисовал «безмерно жуткое, потрясающее зрелище», гибель от рук белогвардейских палачей лучших сынов трудового каза-

¹) Влияние «Тихого Дона» сказалось в написанной позже песне «В широкой степи, пробиваясь к границе...». Сб. «Песни донских и кубанских казаков. Ростов н/Д., Обл. изд-во, 1938, стр. 93—94.

²) А. Френкель. Орлы революции, стр. 27.

чества, честно сложивших свои головы за свободу социалистической Родины¹).

Передавая остроту классовой борьбы на Дону, рисуя гибель казаков-революционеров в этой борьбе (Подтелков, Кривошлыков, Погудко, Бунчук, Валет), Шолохов завершает книгу утверждением животворных начал жизни. Пафос второй книги романа — в правильном исторически конкретном показе революционного движения на Дону, в раскрытии широкого размаха народной борьбы и передаче непоколебимой веры автора и героев в неизбежность торжества Советской власти.

8.

Появление в печати второй книги «Тихого Дона» утвердило за Шолоховым одно из первых мест в советской литературе. 25 июля 1929 года М. Горький опубликовал статью «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», в которой писал: «Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока еще — единицы. Но, как мы видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их достоинства художников слова»²).

¹) З. Орджоникидзе вспоминает, что Серго Орджоникидзе, будучи уже в Царицыне, «получил трагическое известие о гибели общепризнанных руководителей трудового донского казачества — Подтелкова и Кривошлыкова. Они были предательски обезоружены белыми в донских степях и казнены. Нам передавали страшные подробности гибели этих народных героев... Трагическая судьба этих героев глубоко потрясла Серго. Она еще раз доказывала, что контрреволюция готова на всё, лишь бы уничтожить Советы, лишь бы захватить в свои руки власть над трудовым народом» (З. Орджоникидзе. Путь большевика. М., Госполитиздат, 1948, стр. 179). Необходимые для художественного произведения подробности о гибели этих народных героев появились в печати уже в 1919—1920 гг. Так, в книге «Орлы революции» дается рассказ председателя Усть-Мечетинского волостного Совета; отдельные детали этого рассказа использованы Шолоховым в романе («их выводили в одном нижнем белье по 20 человек к яме», «Некоторые не выдерживали и падали живыми в яму; их пристреливали в яме»; «Процедуру расстрела контрреволюционеры превратили во всенародное торжественное зрелище»; «Подтелков и Кривошлыков наблюдали всю процедуру расстрела, ободряя готовящихся к смерти товарищей»; Подтелкова и Кривошлыкова вешали два офицера в масках» и т. д.). Писатель имел также возможность получить необходимые данные непосредственно от других очевидцев.

²) М. Горький. Соб. соч. в 30 томах, т. 25. М., Гослитиздат, 1953, стр. 44.

11 мая 1929 года И. В. Сталин написал предисловие к брошюре Е. Микулиной «Соревнование масс». Выход этой брошюры в свет был встречен критикой в штыки. Ухватившись за отдельные частные ошибки, допущенные в этой брошюре, они решили непременно изъять ее из продажи. И. В. Сталин в письме к тов. Феликсу Кону осудил одностороннее отношение к брошюре молодой писательницы.

«Можно признать, — писал И. В. Сталин, — что т. Микулина, может быть, будучи введена в заблуждение кем-либо из рассказчиков, допустила ряд грубых неточностей, и это, конечно, нехорошо и непростительно. Но разве в этом дело? Разве ценность брошюры определяется отдельными частностями, а не ее общим направлением? Знаменитый писатель нашего времени тов. Шолохов допустил в своем «Тихом Доне» ряд грубейших ошибок и прямо неверных сведений насчет Сырцова, Подтелкова, Кривошлыкова и др., но разве из этого следует, что «Тихий Дон» — никуда негодная вещь, заслуживающая изъятия из продажи?»

В чем состоит достоинство брошюры т. Микулиной? В том что она популяризирует идею соревнования и заражает читателя духом соревнования. В этом суть, а не в отдельных частных ошибках»¹⁾.

И. В. Сталин указывал, что суть «Тихого Дона» не в отдельных частных ошибках, а в общем направлении романа, и оценивал достоинство произведения с точки зрения той пользы, которую оно принесет в целом советскому читателю.

9.

Творческая работа Шолохова над «Тихим Доном» продолжалась и после публикации его на страницах журнала «Октябрь». Все исправления, сделанные писателем в тексте различных изданий романа, направлены на более точное и яркое раскрытие его идейной проблематики, на устранение погрешностей языка, на повышение языкового уровня произведения»²⁾.

1) И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 112—113.

2) Перечень основных изданий «Тихого Дона» на русском языке см. В. В. Гурья. Михаил Александрович Шолохов. Био-библиографический справочник. Саратов, изд. СГУ, 1950, стр. 13—17. Писатель перепечатывал роман почти без дополнений, сохраняя преж-

Наибольшее количество исправлений, внесенных писателем во вторую книгу, относится к 1933 году. Работая над печатным текстом романа, Шолохов вместе с редактором добивался «сжатости, яркости, разнообразия изобразительных средств»¹⁾).

Писатель нередко уточнял отдельные детали в характеристике образов. Так, например, в IV главе IV части журнального текста романа слишком навязчиво разъяснялось поведение Григория на различных этапах его исканий: «Для него наступил такой момент, когда в сознании нарастает необходимость оглянуться через плечо на пройденную путину и проследить неровные ее извивы»²⁾. Писатель хотел этим мотивировать необходимость специального рассказа о том, как постепенно вытравливалась из сознания Григория большевистская правда Гаранжи. Из этой же главы опускается описание отношения Григория к Чубатому перед наступлением в Трансильванских горах: «Нынче, как никогда, было ему страшно за себя, за людей. Хотелось кинуться на землю и плакать, и, как матери, жаловаться ей на детском языке»³⁾. Другой абзац, опущенный Шолоховым из II главы V части, передавал состояние Григория в момент его сближения с казаком-

нее количество глав, прежнее деление на части. Лишь в издании «Роман-газеты», вместо обычной нумерации, каждая глава получила название. Напр.: часть IV — Перед Октябрем, гл. I — В офицерской землянке, гл. II — Фронт рушится, гл. III — Родня по труду, гл. IV — Пройденная путина и т. д., ч. V — Кровь под копытом, гл. I — Навоевались!, гл. II — Гиблое время, гл. III — Вот это большевик! и т. д. Первые три отдельных издания первых двух томов в Госиздате представляют полную перепечатку журнального текста с устранением части орфографических ошибок и нарушающих смысл искажений. Нумерация глав до 1933 г. (в это время Шолохов опустил XXV главу V части) сохраняется по журнальному тексту. Наибольшей авторской правке «Тихий Дон» подвергся в 1933 г. при подготовке первых трех книг в издательстве «Художественная литература» (М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2. М., ГИХЛ, 1933. 416 стр.). В это время редактором «Тихого Дона» становится Ю. Б. Лукин. Он указывает, что ни одно исправление не вносилось им «без ведома и согласия автора», что рукописи «на редкость выскательного к себе» Шолохова поступали «в издательство выверенными с исключительной тщательностью» (Ю. Лукин. Заметки редактора «Лит. газета», 1938, 25 ноября, № 63, стр. 3).

1) Ю. Лукин. Заметки редактора. «Лит. газета», 1938, 25 ноября, № 63, стр. 3.

2) М. Шолохов. Тихий Дон. кн. 2, изд. 3-е, М. — Л., Госиздат, 1931, стр. 47.

3) Там же, стр. 59.

автономистом Извариным: «Сопоставляя слова Изварина и Гаранжи, пытался, но не мог определить, на чьей же стороне правота. Однако, как-то невольно для себя, подсознательно воспринимал новую веру, критически пересматривая нечто, прочно отложившееся в сознании»¹⁾).

Несколько позже в XIII главе этой же части Шолохов сократил описание размышлений Григория, который только что ушел из отряда Подтелкова и не знал «у кого полной пригоршней почерпнуть уверенности».

Все эти сокращения сделаны с одной целью — освободить текст романа от навязчивых авторских объяснений извилистого пути Григория Мелехова, повторяющих то, что гораздо глубже раскрывается через его поступки, психологически мотивированные писателем на протяжении всего произведения. Необходимость специальных вставок о перемене настроений Григория отпадала потому, что они не раскрывали новых черт его характера, а лишь описывали их. Этим же вызваны некоторые сокращения в сцене встречи Валета с немецким социал-демократом в окопах²⁾ и в размышлениях Ивана Алексеича Котлярова о его позиции по отношению к корниловскому мятежу»³⁾).

Отказывается Шолохов и от излишних подробностей в описании боевых операций, чаще всего сжимая авторский текст (например, значительно сокращается описание в III главе IV части обстановки, сложившейся ко времени наступления русских войск на Владимиро-Волынском и Ковельском направлениях в конце сентября 1916 года⁴⁾).

Но особенно большой правке подверглась в 1933 г. линия Анна Погудко — Бунчук, вызвавшая в это время справедливые замечания со стороны критики. Правда, еще до этих замечаний Шолохов вносил некоторые изменения в главы, на которых лежал отпечаток вычурности и красоты, особенно сказавшихся в обрисовке образа Анны, как в портретной ее характеристике, так и в речи, и в передаче поступков. Не удовлетворило Шолохова и слишком натуралистическое описание отношений Анны и Бунчука.

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 2, изд. 3-е. М. — Л., Госиздат, 1931, стр. 205.

²⁾ Там же, стр. 40.

³⁾ Там же, стр. 145—146.

⁴⁾ Там же, стр. 27.

В записке, присланной Бунчуку, Абрамсон характеризует Анну как ценного работника, но тут же указывает, что она горяча, экзальтирована, способна на безрассудный поступок. Первая же встреча Бунчука и Анны в журнальном тексте была выписана в слащаво-сентиментальном духе: Бунчук испытывал «сладо-бно-болезненное», «покалывающее ознобное чувство», «глядя на розовые смуглые щеки девушки, на июньскую голубизну белков и непередаваемую безмерную глубину черных ее глаз». «Волнующая созвучием гармония покоилась в каждой черте, в любом движении. Простая, как сказка, стояла перед ним девушка, в белых, серебряной чистоты, зубах держала шпильки, дрожала тугой бровью — и, казалось, вот-вот растает, как звук в сосновом бору на заре. Волна восторга и густой ощутимой радости подмыла Бунчука» (VII, 120).

Вычурными ложнопоэтическими средствами изображения Шолохов не был доволен еще до 1933 года. Уже в третьем гизовском издании писатель опускает строку, неточно характеризующую Анну: «Волнующая созвучием гармония покоилась в каждой черте, в любом движении» (VII, 120), а в 1933 г. (Гослитиздат) вычеркивает и другие строки, следующие за этой фразой¹⁾.

Устраняет Шолохов слова и фразы не совсем точно, вычурно передающие поступки Бунчука и его состояние во время болезни («у него шевельнулась к ней благодарность», «услышал виолончельный густой голос Анны (услышал знакомый голос Анны)», «видел хаотическое преломление световых эффектов»). Писатель искал те слова, которые точнее и проще выражали отношения Анны и Бунчука. Например:

Страдая от почти детской жалости к нему, она выдерживала характер (1928).

Страдая почти от материнской жалости к нему, она выдерживала характер (1931).

Страдая от жалости к нему, она выдерживала характер (1933).

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон, кн. 2, изд. 3-е. М. — Л. Госиздат, 1931, стр. 224.

В 1933 году Шолохов внес ряд исправлений в XVI главу, в которой не без сентиментальности описывалось отношение Анны к Бунчуку: «Но еще до этого, в Ростове, после первых же встреч, с внутренним холодком и дрожью поняла, что причалена к нему неотрывно-прочно. Не вовремя, в грозовой год, на девятнадцатой весне ее коротенькой, как сон, девичьей жизни ворохнулось чувство, повлекло к Бунчуку. Сердцем выбрала его, неприглядного и простого, в боях сроднилась с ним, отняла у смерти, выходила...»¹⁾. В это же время не удовлетворил Шолохова и следующий абзац: «После выздоровления Бунчука дружеские отношения их не нарушались ни одной размолвкой. Он, словно, возмещал то, что по его вине перенесла она, был исключительно внимателен, предупреждал каждое ее желание, но делал это не навязчиво, с присущей ему мягкостью, и она оценила это. Жесткими, но уже иными — покоренными и бесконечно преданными глазами смотрел он на нее»²⁾. В последующих изданиях писатель оставляет лишь одно предложение: «В середине января они выехали из Царицына в Воронеж», которым теперь заканчивается XVI глава V части. Опущенный в 1933 году конец этой главы был посвящен разговору Бунчука и Анны, состоявшемуся в поезде. Значительная часть разговора — это абстрактно-романтические рассуждения восторженной, юной Анны о будущем, которое она представляет себе как «далекую-далекую сказочно-прекрасную музыку», как «могущественный и согласованный, нарастающий аккордами гимн»³⁾. Тут же Анна говорит, что «умрет в бою» и, умирая, будет ощущать «торжественный, потрясающе красивый гимн будущего»⁴⁾.

Вся эта сцена разговора Анны и Бунчука в поезде перенасыщена образами, созданными с помощью сложных эпитетов: «отроческий, волнующе-нежный характер», «придушенно-низок и напевен был грудной, виолончельный тембр ее голоса», «сказочно-прекрасная музыка». Было нагромождено много нарочито красивых, цветистых

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2, изд. 3-е. М. — Л., Госиздат, 1931, стр. 306.

²⁾ Там же, стр. 307.

³⁾ Там же, стр. 308.

⁴⁾ Там же, стр. 309.

образов: снежная степь, кружившаяся «огромным, блестящим, серебряным рублем», «неясные контуры проплывающих мимо хуторов», «лиловые гребни перелесков», «загуманенными глазами долго смотрела на снеговое раздолье», «ему почудилась величественная невнятная мелодия», «неся на спине мурашковую дрожь» и другие. Освобождение от подобной цветистости придало отношениям Анны и Бунчука реалистический характер, хотя Шолохову так и не удалось раскрыть связывающее этих людей чувство с такой психологической глубиной, с какой это сделано в отношении Григория и Аксиньи.

Устраняет Шолохов (в 1931 и 1933 гг.) и другую крайность — натуралистическое описание сближения Анны и Бунчука в XX главе. Целиком опускается в 1933 г. XXV глава (по журнальному тексту и изданиям 1928—1933 гг.), в которой рассказывалось о том, как Бунчук возился с керосинкой и приготовил неудачный обед, как Анна сообщила ему, что скоро будет матерью, а Бунчук шутливо рисовал мещанское семейное счастье в будущем, и как к этому довольно сочувственно отнеслась Анна. Здесь же бегло сообщалось о выступлении отряда Подтелкова против новочеркасских казаков. Эта глава ничего не дополняла в характеристике героев и даже несколько искажала их облик. Нужна она была, видимо, для того, чтобы ввести Анну и Бунчука в бой за Ростов.

Многочисленные поправки и купюры сделаны Шолоховым в 1933 году в сцене, рисующей подвиг Анны и ее гибель. Сравним тексты изданий 1931 г. и 1933 г., куда были внесены исправления:

Анна... неузнаваемым ломким голосом крикнула: «За мной!» — и побежала неверной спотыкающейся рысью.

Бунчук привстал. Рот его исковеркал невнятный крик. Выхватил винтовку у ближнего солдата, — чувствуя в ногах страшную дрожь, побежал за Анной, задыхаясь, чернея от великого и бессильного напряжения кричать, звать, вернуть. Сзади слышал дых нескольких человек, топтавших следом и всем своим существом чувствовал что-то страшное, непопра-

Анна... неузнаваемым ломким голосом крикнула: «За мной!» — и побежала неверной спотыкающейся рысью.

Бунчук привстал. Рот его исковеркало невнятным криком. Выхватил винтовку у ближнего солдата, — чувствуя в ногах страшную дрожь, побежал за Анной, задыхаясь, чернея от великого и бессильного напряжения кричать, звать, вернуть. Сзади слышал дых нескольких человек, топтавших следом, и всем своим существом чувствовал что-то страшное, непопра-

вимое, какую-то чудовищную развязку этого красивого, но бесполезного жеста... Он не видел, как казаки повернули обратно, не видел, как солдаты из тех восемнадцати, что были около его пулемета, гнали их, зажженные поздним энтузиазмом аннинного порыва... понял — смерть Анне, и смерть увидел в ее обволоченных мутью глазах.

Да с какой же жадностью целовал он эти глаза и почти мужские по форме руки, будил любимейшую, грубо тормозил, пытаясь вернуть к жизни!.. Кто-то оттолкнул его... .. Бунчук холодно прижался губами к черному полусмеженному веку, позвал:

— Друг! Аня! — выпрямился и, круто повернувшись, пошел, неестественно прямо, не шевеля прижатыми к бедрам руками.

Он, как слепой, грудью ударился в ворота, глухо вскрикнул и, гонимый призрачным зовом, пополз на четвереньках, всё убыстряя движения, почти касаясь лицом земли. С запененных губ его срывались невнятные слова. Он полз вдоль забора, как подбитый зверь, натужно, но шибко, за ним выжидающе наблюдали из-под сарая трое оставшихся во дворе красногвардейцев. Они молча переглядывались, пораженные столь отвратительным, оголенным проявлением людского горя ¹⁾).

Устраняя указания на «бесполезность», «красивость» поступка Анны, на ее «поздний энтузиазм», Шолохов добивался реалистического изображения героического подвига самоотверженной революционерки, подвига лишенного жертвенности. Опуская описание слишком оголенного

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2, изд. 3-е, М., Госиздат, 1931, стр. 373—375.

²⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2, М., ГИХЛ, 1933.

зимое, приближение какой-то чудовищной развязки... Он не видел, как казаки, повернули обратно, не видел, как солдаты из тех восемнадцати, что были около его пулемета, гнали их, зажженные аннинным порывом... понял — смерть Анне, и смерть увидел в ее обволоченных мутью глазах. Кто-то толкнул его...

... Бунчук прижался губами к черному полусмеженному веку, позвал:

— Друг! Аня! — выпрямился и, круто повернувшись, пошел, неестественно прямо, не шевеля прижатыми к бедрам руками ²⁾).

проявления горя Бунчука, потрясенного гибелью любимой женщины, Шолохов стремился к точному рисунку мужественного характера этого коммуниста.

Проникновение в характеристики Анны и Бунчука фальшивых, чуждых реализму изобразительных средств нарушало цельность повествования. Наряду с устранением явных проявлений вычурности, красоты (сам писатель указывает, например, что речи Анны — речи «овевянные сентиментальным романтизмом»), Шолохов смягчает или опускает натуралистические подробности в описании Анны и Бунчука. Раскрывая характеры коммунистов, мужественно погибающих в борьбе за торжество революционной правды, писатель рисует их не только как людей, лишенных аскетизма, трезвых и последовательных в общественной и личной жизни, но и снимает, вместе с тем, проникшие в первую редакцию, мотивы жертвенности, противоречия между чувством и долгом.

Почти в каждое издание второй книги романа Шолохов вносил некоторые, правда, малочисленные исправления. Так, в издании второй книги романа в 1936 году ¹⁾ было снято упоминание о выступлении Сырцова на съезде казаков-фронтовиков в станице Каменской. Несколько поправок внес писатель во вторую книгу, подготавливая роман к изданию в серии «Библиотека «Огонька» ²⁾. Но особенно большую работу над текстом «Тихого Дона» Шолохов проделал в 1953 году. Он тщательно пересмотрел характеристики основных персонажей, важных исторических событий, уточнил отдельные детали в описании эпизодических образов. В этом издании наиболее серьезной правке подверглась вторая книга ³⁾, те ее главы, в которых изображается начало гражданской войны в России, борьба народа с корниловщиной, серьезная обстановка и деятельность на Дону Военно-революционного комитета, его первых руководителей.

В отличие от предшествующих изданий Шолохов впервые вводит в печатный текст романа заново написанные куски, целые сцены, включает в повествование новые

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1936, 393 стр.

²⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2. М., «Правда», 1946, 224 стр.

³⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, 358 стр.

документы, — всё это дает возможность писателю уточнить трактовку важнейших событий, воссозданных в романе. Новые факты и характеристики органически входят в историко-хроникальные главы, сплетаются с воспроизведенным ранее историческим материалом, дают возможность связать события, происходившие на Дону и освещенные в романе, с обстановкой, сложившейся в стране.

Девятая глава пятой части начинается теперь четкой политической характеристикой значения съезда фронтового казачества, созданного в станице Каменской:

«Съезд фронтового казачества в станице Каменской объявил о переходе всей власти в Области Войска Донского в руки Военно-революционного комитета.

Признав центральной государственной властью России Центральный Исполнительный Комитет Советов, съезд решил, как говорилось в резолюции, взять на себя революционный почин в освобождении трудового населения Дона от гнета контрреволюционеров.

Об этом взволновавшем Дон событии Ленин объявил по радио: «На Дону 46 казачьих полков на съезде в станице Каменской объявили себя правительством, воюют с Калединым».

Казачи послали в Петроград на III Всероссийский съезд Советов своих делегатов. В Смольном казаков тепло принял Ленин. Узнав об их прибытии в Питер, он послал за ними свой автомобиль. Входя в кабинет Ленина, один из делегатов воскликнул: «От имени донского революционного казачества приветствую председателя Совнаркома Советской России!» — «От имени Советской России приветствую донское революционное казачество!» — ответил Ленин. После беседы он предложил делегации рассказать о происходящих на Дону событиях на заседании Петроградского Совета.

Когда донские казаки появились на съезде Советов, председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Свердлов сообщил об их прибытии, делегаты горячо встретили донцов.

«Сотрите с лица земного врагов народа, выгоните Каледина из Новочеркасска, очистите вашу землю от контрреволюционных банд!» — обратился к донскому казачеству съезд¹⁾.

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 212.

Важнейшие документы и факты из истории революционного движения Шолохов вводит в XVIII главу той же части. Делается это так:

«Уже погромыхивало возле Тихорецкой. Слухи шли, что движется из Царицына к Ростову тамошний красный командир — хорунжий Автономов.

Одерживая победы над войсками Каледина и Корнилова, Красная гвардия подступала к Новочеркасску и Ростову. В. И. Ленин прислал командованию Южного фронта телеграмму:

«По поводу побед над Калединым и К^о шлю самые горячие приветы и пожелания и поздравления... Ура и ура!..».

22 февраля в Ростов вошел белый отряд капитана Чернова, теснимый Сиверсом, с тыла обстреливаемый казаками Гниловской станицы. Крохотная оставалась перемычка, и Корнилов, понявший, что оставаться в Ростове небезопасно, в этот же день отдал приказ об уходе на станицу Ольгинскую.

Весь день по вокзалу и офицерским патрулям постреливали с Темерника рабочие.

23-го февраля Ленин приказал Южному фронту: «Сегодня во что бы ни стало взять Ростов». Завязались бои на окраинах города. И ночью Красная гвардия заняла Ростов. По поводу этой победы Ленин и Сталин телеграфировали: «Наш горячий привет всем беззаветным борцам за социализм, привет революционному казачеству».

Под вечер 22-го февраля из Ростова выступила густая колонна войск. Она протянулась через Дон жирной черной гадюкой, — извиваясь, поползла на Аксай¹⁾.

Наряду с введением новых эпизодов Шолохов освобождает роман от деталей, искажавших смысл того или иного события, вносит исправления, уточняющие трактовку этих событий. (Напр.: «Вскоре после Октябрьского переворота» — «Вскоре после Октябрьской социалистической революции»; Изварин повел агитацию «за установ-

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 270—271. Вставленный Шолоховым текст нами выделен.

ление того порядка правления, который существовал на Дону еще до порабощения казачества Великокороссией» — «за установление того порядка правления, который существовал на Дону еще до того, как царизм наложил на него свою руку»; «После смерти Каледина» — «после самоубийства Каледина» и т. д.).

В XXI главе пятой части писатель стремится тщательнее, исторически достовернее мотивировать причины поднятого темными силами Верхне-Донского контрреволюционного восстания.

Большая работа проделана Шолоховым по уточнению, а иногда и существенному изменению характеристики целого ряда персонажей романа, особенно исторических лиц. По-иному теперь выглядят в романе фигуры известных руководителей революционного движения на Дону — Федора Подтелкова и Михаила Кривошлыкова. В предшествующих разделах статьи уже отмечались ошибки и неточности, допущенные писателем в раскрытии революционной деятельности Подтелкова и Кривошлыкова. В новой редакции эти ошибки и неточности в значительной мере устраняются.

Дорисовывая образ Подтелкова, писатель не только освобождает его характер от черт, заимствованных у недобросовестных мемуаристов и искажавших облик революционера, но меняет и свое отношение к Подтелкову, тот тон, который сложился под впечатлением фактов, почерпнутых в мемуарах, и который определил в значительной мере авторскую характеристику, речь героя, отношение к нему других персонажей. В связи с этим Шолохову пришлось тщательно проверять каждое слово, относящееся к Подтелкову. Из авторской характеристики исчезает указание на высокомерие и грубость председателя Ревкома в общении с казаками, эпизод с Зинкой, обративший внимание на непристойность поведения Подтелкова в быту. Снимаются детали, ранее определявшие отношение автора к Подтелкову: тужурка у него была офицерская, усы вытирал рукавом, дышал, как большое животное, ругался безобразно и т. п. Исчезает упоминание о том, что Подтелков якобы отказался помочь рабочим-шахтерам оружием, исключаются эпизоды, позволявшие считать Подтелкова казаком-автомистом, не лишенным сословных предрассудков.

Добываясь точной характеристики политического лица

Подтелкова, писатель вводит в роман его речь на митинге в станице Каменской. «Отцы и братья, — говорил Подтелков, — я ни в какую партию не записан и не большевик. Я стремлюсь только к одному: к справедливости, к счастью и братскому союзу всех трудящихся, так, чтобы не было никакого гнета, чтобы не было кулаков, буржуев и богачей, чтобы всем свободно и привольно жилось... Большевики этого добиваются и за это борются. Большевики — это рабочие, такие же трудящиеся, как и мы, казаки. Только рабочие-большевики сознательнее и сплоченнее нашего: нас в темноте держали, а они в городах лучше нашего научились жизнь понимать. Выходит, значит, что и я большевик, хотя в партию большевиков не записан»¹⁾).

Шолохов подчеркивает, что Подтелков «жег казаков калеными словами, призывая их сплотиться вокруг большевисткой партии и Советской власти, обрушиться на контрреволюцию». Содержание этой речи освещает теперь многие поступки Подтелкова. Они приведены писателем в соответствии с политическими взглядами председателя Ревкома.

Во всех предшествующих редакциях указывалось, что Подтелков на переговорах с «правительством» Каледина «чувствовал себя не совсем уверенно», даже заикался от волнения. Теперь Шолохов значительно точнее раскрывает его психологическое состояние: он «чувствовал себя настороженно». Если раньше на вопрос: «Признаете ли вы власть Совета народных комиссаров?» он отвечал слишком уклончиво: «Это может сказать лишь весь народ», то теперь он отвечает решительно, твердо: «Да! Это может сказать весь народ». Так же уверенно, с достоинством держит себя и Кривошлыков на этих переговорах. Шолохов вставляет его решительную реплику: «— Мы в этом не сомневаемся! — отрезал Кривошлыков».

В выступлении Подтелкова явно сквозили нотки высокомерия, зазнайства, кичливости. Он выкрикивал: «Не покорюсь я вам! Не позволю! Пущай через мой труп пройдут!.. Не верю я, чтоб войсковое правительство спасло Дон!» В новом издании романа Шолохов вносит существенные исправления в речь Подтел-

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 213.

кова, заставляет его говорить, от имени революционного казачества: «Не покоримся мы вам! Не позволим!»

Восстанавливается историческая справедливость и в сцене убийства Подтелковым белогвардейского офицера Чернецова. Раньше она выглядела, как р а с п р а в а, как самоуправство якобы разгневанного и оскорбленного председателя Ревкома. Поэтому он и рубил Чернецова уже л е ж а ч е г о. Теперь эта сцена выглядит так: «Чернецов выхватил из куртки револьвер, вскинул руку... Осечка... Подтелков мгновенно бросил руку на эфес шашки, кинулся на Чернецова»¹⁾.

Внесенные писателем исправления, дополнения и уточнения в характеристику Подтелкова и Кривошлыкова не только приближают эти образы к действительности и приводят их в соответствие с историческими данными об этих героях революционной борьбы на Дону, но и делают вполне закономерными финальные сцены второй книги романа, в которых и раньше раскрывалось мужество этих лучших представителей революционного казачества.

В новой редакции романа Шолохов снова вернулся к образам Бунчука и Анны Погудко. Этими образами автор «Тихого Дона» полемизировал с теми писателями, которые обедняли характеры коммунистов, рисовали их односторонне, по заранее установленному литературному стандарту. Еще в первой книге была такая портретная характеристика Бунчука, данная через восприятие Листницкого: «Сотник еще раз оглядел невысокую плотную фигуру Бунчука (Напоминал тот обдонское дерево караич: ничего особенного, бросающегося в глаза в нем не было, ни одна черта не отличалась яркостью), — всё было обычно (серо, буднично), лишь твердо загнутые челюсти да глаза, ломающие встречный взгляд, выделяли его из гущи остальных лиц»²⁾.

Отказываясь от нарочитого, излишне полемического подчеркивания будничности и даже серости внешнего облика своего героя, Шолохов сосредоточивает теперь внимание на волевых глазах Бунчука и в дальнейшем вносит существенные уточнения в его характеристику: снимает

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 239.

²⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1—2. Гослитиздат, 1949, стр. 304—305. Слова, заключенные нами в скобки, опущены писателем в 1953 году.

детали, нарушавшие цельность образа коммуниста: «Потирая руки (покрытые темной ворсистой шерстью), Бунчук горбился», «(Бунчук вытянул вперед сжатые, черноволосые, как у коршуна когтистые, руки)»; «волосатые пальцы Бунчука» — «крепкие пальцы Бунчука»; «Он смеялся старчески-дребезжащим, (трухлявым) смешком» и т. п.

Раскрывая повседневную черновую революционную работу Бунчука, Шолохов всё-таки не избежал в обрисовке большевика влияния некоторых традиционных схем, наблюдавшихся в литературе тех лет, когда писалась вторая книга «Тихого Дона». Влияния эти сказались в портретной характеристике Бунчука, человека внешне суховатого и сурового. Однако за этим традиционным внешним обликом коммуниста «железной воли», «железной твердости» уже в журнальном тексте романа угадывался человек больших и многообразных душевных переживаний и движений.

Шолохов долго не находил средств психологической мотивировки большого горя, душевной травмы Бунчука, связанных с гибелью любимой женщины, а лишь сгущал краски, фиксировал внимание на внешних проявлениях его внутреннего состояния. Бунчук глядел «ошалелыми, припухшими глазами», «ел, тяжело и лениво двигая челюстями». Теперь Шолохов освобождает образ от подобных подчас натуралистических деталей.

Равнодушное отношение Бунчука к судьбе отряда, возглавленного Подтелковым, Шолохов объяснял тяжестью перенесенного им горя. «Ему было решительно всё равно — вперед идти или назад, лишь бы двигаться, лишь бы уходить от следовавшей за ним по пятам тоски»¹). Такая характеристика вступала в противоречие с решимостью Бунчука не сдавать врагам оружия во время окружения отряда. С подобным безразличием и безнадёжностью относился раньше к экспедиции и Кривошлыков. Тяжело больной малярией, он лишь однажды проявил решимость, потребовав удаления из экспедиции «шмары» Подтелкова — Зинки. Не верил в благополучный исход экспедиции и коммунист Лагутин. Он «тонким жалующимся голосом ныл». Не случайно Подтелков говорит

¹) М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1—2. Гослитиздат, 1949, стр. 668.

ему: «А ты не бойся! Нам бояться нельзя... Людей за собой ведем...»¹⁾).

Устраняя сквозившие раньше в речи персонажей, в скупых авторских характеристиках суждения о безнадежности исхода экспедиции, писатель восстанавливает в романе атмосферу исторической правды.

Еще в 1933 году Шолохов внес существенные исправления в образ Анны, особенно в сцену ее героического поступка и гибели. Вернувшись снова к этому образу, писатель освобождается от остатков прежней характеристики («Жалкий (заячий) вскрик Анны»), от некоторых снижающих образ подробностей, а подчас и натуралистических деталей («черный рот ее дрожал в муках»; «покрытое смертной испариной тело»; Бунчук видит: ногти умирающей Анны, «как зреющий чернослив, наливаются розовой синевой»).

Отказывается писатель и от фамильярного тона в обрисовке Кошевого. Даже в авторской речи он назывался не иначе, как «Мишка Кошевой». Теперь он — Михаил Кошевой. Снимаются циничные, явно не соответствующие образу, рассуждения Кошевого о женщине (XXI глава четвертой части), речь его становится строже, чище. Резко меняется и авторское отношение к Валету, снижавшее раньше значительность этого положительного образа: «У плетня на корточках сидел (карячился) Валет»; «Валет трескуче закашлялся, (харкнул залпом)»; Его фуражка «прикрывала острые хрящи (немытых, с зеленью внутри) ушей»; он был у Сиверса, «поехав под его командованием (погулял с ним) вокруг Ростова и отбыл в отпуск (сам себе написал отпуск) на поправку и ремонт»; «Валет... захрипел (засипел)»; «Кошевой пожал его костлявую руку (ручонку)»; «вспылил (окрысился) вдруг Валет»; «Лицо (ежиная мордочка) его побелело (побелела) от злости, остро и дичало зашныряли узко сведенные злые глаза (глазенки, даже дымчатая шерсть на ней как будто зашевелилась)»²⁾.

Образ Валета снижался и похабно грубым, циничным

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 330.

²⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 296—299; М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 1—2. Гослитиздат, 1949, стр. 632—635. Слова, заключенные в скобки, или опущены, или заменены другими.

отношением к нему Григория Мелехова, стремившегося в стычке с Валетом показать свое превосходство («Ты не сепети», «Сопля паршивая! Огрызок человечий!»).

Весьма существенные изменения внесены Шолоховым и в изображение лагеря врагов революции. Если в ранних редакциях писатель ограничивался простым сообщением и описанием конкретных фактов, то теперь в главы, посвященные показу корниловского мятежа, он вводит четкие политические оценки и характеристики, вскрывающие истинную сущность и смысл мятежа, коварные замыслы мятежников против революционного народа. Работа, проделанная Шолоховым при подготовке нового издания романа, сводится прежде всего к тому, чтобы возможно ярче показать те социальные силы, на которые опирался Корнилов, поднимая контрреволюционный мятеж.

Там, где раньше писатель ограничивался приведением телеграммы, посланной Корнилову так называемым «совещанием общественных деятелей», теперь дается четкая авторская оценка этому «документу», называются конкретные лица, поддерживавшие мятеж Корнилова: «В книжке была записана телеграмма Корнилову от так называемого «совещания общественных деятелей», ставшего штабом контрреволюции, в который вошли главари монархистов и кадетов: Родзянко, Рябушинский, Милюков, Маклаков, царские генералы Алексеев, Каледин, Юденич»¹⁾).

Решительной правке подвергается конец XIII главы четвертой части. В предшествующих изданиях говорилось неопределенно, что в ставку к Корнилову «наезжали какие-то штатские» и что Корнилов оказался даже «чересчур доверчив, вследствие чего попал в авантюрное окружение». Теперь Шолохов так описывает это окружение Корнилова:

«Наезжали сюда заводчики и банкиры. Появлялись и другие «визитеры». Представители англо-французских империалистов торопили Корнилова с выступлением против революционного народа. Слетались сюда стервятники, дальним нюхом чувявшие запах большой крови, предугадывавшие чья рука вскрыет стране вены, слетались в

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 108.

Могилев с надеждой, что и им придется кое-что урвать. Имена авантюристов помещика-черносотенца Завойко, нажившего спекуляциями огромное состояние, закоренелого монархиста Аладьина повторялись в ставке, как имена людей, имеющих самое близкое отношение к верховному.

В широких кругах реакционного офицерства господствовало убеждение, что Корнилов — знамя восстановления старой, буржуазно-помещичьей России. И под это черное знамя отовсюду стекалась оголтелая контрреволюция, обуруемая стремлением зажать в железные клещи, ведомый Лениным и Сталиным рабочий класс, обезглавить и задушить силы революции»¹⁾.

Опираясь на работы Ленина, Шолохов добивается четкой политической оценки так называемого Московского государственного совещания, метко названного Лениным «контрреволюционным империалистическим совещанием». Империалистические круги Англии, Америки и Франции, страшась нарастания революции в России и ненавидя русский революционный народ, как показывает Шолохов, поддерживали Московское совещание, требовали обуздания революции.

Исправления, внесенные в роман, восстанавливают историческую правду. Они направлены на то, чтобы показать — мятежники вовсе не шли против Временного правительства, а выступали в сговоре с ним. И только большевики, рабочие сорвали замыслы заговорщиков. Поэтому Шолохов снимает проскользнувшее раньше сообщение о стихийном противодействии рабочих и железнодорожных служащих корниловским полкам, двинутым на Петроград. Писатель говорит теперь об упорном сопротивлении рабочих мятежникам. Он пишет: «В Быхове, в женской гимназии бесславно закончился сорванный большевиками и революционными рабочими корниловский контрреволюционный заговор»²⁾.

Исторически верная оценка корниловщины, данная писателем в новом издании романа, потребовала пересмотра обрисовки образа главаря этого мятежа Корнилова. Шолохова не удовлетворила нечеткая художественная характеристика Корнилова, создававшая впечатление о «субъективной честности» его побуждений. Даже из речи

1) М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М., Гослитиздат, 1953, стр. 114—115.

2) Там же, стр. 153.

реакционных офицеров, говоривших о Корнилове в первых редакциях «с любовью и уважением», вычеркиваются слова о его «кристальной честности».

Уточняется портретная характеристика Корнилова, опускаются детали, вступающие в противоречие с внутренней сущностью этого контрреволюционного генерала, с его истинными замыслами. Снимается упоминание о его простых человеческих глазах, об энергичном лице, о косичке волос, трогательно спускавшейся на лоб, и т. п. Речь Корнилова тщательно освобождается от лицемерных высказываний о «чести», желании «спасти Россию». Шолохов подчеркивает политический авантюризм, вождизм Корнилова, ненависть к народу, его циничные намерения «расправиться с большевиками и рабочим сбродом как следует»¹⁾.

В тексте романа и авторских примечаниях раскрывается контрреволюционная сущность белогвардейских генералов Лукомского, Духонина, Каледина, Алексеева, Дутова, злейших врагов Советской власти Родзянко, Савинкова, Чернова и др.

10.

Когда в 1932 году Горький остро поставил вопрос о дальнейшем совершенствовании писательского мастерства, призвав писателей бережно относиться к тому материалу, из которого строится книга, Шолохов не только поддержал основоположника советской литературы, но и открыто признал свои ошибки, языковые оплошности, допущенные в «Тихом Доне». Имея в виду и себя, Шолохов писал: «в преобладающем большинстве мы, писатели, еще далеки от совершенства во владении языком»²⁾.

Горький указывал: работа над языком художественного произведения требует тщательного отбора всего лучшего, что в нем есть, — ясного, точного, красивого, звучного, дальнейшего развития этого лучшего. Из горьковских статей, посвященных языку художественного произведения, Шолохов сделал вывод — «писать так, чтобы 95 слов были отличными, а остальные 5 хорошими»³⁾.

¹⁾ М. Шолохов. Тихий Дон. Изд. исправленное. Кн. 2. М. Гослитиздат, 1953, стр. 113—114.

²⁾ М. Шолохов. За честную работу писателя и критика. «Лит. газета», 1934, 18 марта, № 33, стр. 2.

³⁾ Там же, стр. 2.

«Дискуссия о литературном языке, развернувшаяся вокруг «Брусков» Панферова, — говорил Шолохов, — со всей наглядностью показала наши слабые стороны, обнаружила, что мы, писатели, в погоне за актуальной тематикой, за желанием отобразить нашу ярчайшую эпоху, зачастую пренебрегаем качеством наших произведений и даем недоброкачественную продукцию»¹⁾).

Редактирование Шолоховым «Тихого Дона» — наглядный пример борьбы за реалистическое письмо, пример совершенствования языкового мастерства, постоянного внимания к слову, борьбы за простоту, ясность, точность его. Уже в 1933 году, а затем в 1936, 1937 и 1946 годах писатель вносил принципиально важные исправления преимущественно в издания первых двух книг «Тихого Дона».

В дискуссии о языке художественной литературы Горький со всей решительностью выступил против засорения литературного языка диалектными словами. «Местные речения, «провинциализмы», — писал он, — очень редко обогащают литературный язык, чаще засоряют его, вводя не характерные, не понятные слова... Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено — тем больше придает фразе силы и убедительности. Пристрастие к провинциализмам, к местным речениям так же мешает ясности изображения, как затрудняет нашего читателя втыкание в русскую фразу иностранных слов»²⁾).

Серафимович, защищая Панферова, писал в «Ответе А. М. Горькому», что и у Шолохова слова местного говора «очень часто мелькают» даже в собственной речи, и пытался оправдать автора «Тихого Дона» тем, что это сообщает «живой местный колорит» его произведению. Серафимович, правда, оговаривался, что у Шолохова в употреблении местных слов есть «чутье и чувство меры»³⁾).

Несмотря на похвалу писателя, введившего его в литературу, Шолохов пошел за Горьким и вносил в роман поправки там, где ему изменило «чувство меры». Уже в 1933 году он освобождает авторскую речь от различных диа-

¹⁾ М. Шолохов. Литература — часть общепролетарского дела. «Молот», Ростов н/Д. 1934, 8 октября, № 4004, стр. 3.

²⁾ М. Горький. О литературе. М., ГИХЛ, 1935, стр. 124–125.

³⁾ «Лит. газета», 1934, 1 марта, № 25, стр. 2.

лектизмов и провинциализмов. Вот примеры из второй книги: жалился — жаловался, прилаживая — прикладывая, нагинаясь — нагибаясь, стряли — застревали, кучились — толпились, зачикиляла растерянность — скользнула растерянность, вобратые в чулки — заправленные в чулки, порватые — порванные и т. д.

Горький подвергал критике Ф. Панферова и за то, что тот «пишет слова так, как они произносятся»¹⁾. В этом же 1933 году Шолохов, следуя указаниям Горького, отказывается от фонетического написания слов в речи персонажей (што, штоб, чево, иде, ево, этова, беднова, тово, мово, другова, какова и т. д.), пользуется общепринятым морфологическим письмом (что, чтоб, чего, где, его, этого, бедного, того, моего, другого, какого и т. д.). В связи с этим во второй книге романа сделаны сотни исправлений. 165 поправок внесено только для того, чтобы дать союз «что» в правильном морфологическом написании.

Освобождается писатель и от вульгаризмов, грубых слов, опускает слова, обозначенные первой буквой с последующим многоточием. Такого характера исправления внесены в 1933—1936 годах в двадцати местах второй книги романа.

Устраняются писателем отдельные неудачные выражения, фонетически неприемлемые сочетания слов, стилистические небрежности («А в это время Каменская трепалась прифронтной лихорадкой» — «А в это время Каменскую трепала прифронтная лихорадка»; «Подтелков, нахмурясь, положил на стол рыжеволосые ладони» — «Подтелков, нахмурясь, положил на стол рыжеволосые руки»; «Что он говорил, — слышал один Подтелков, медленно задом отходивший назад» — «Что он говорил, — слышал один медленно пятившийся Подтелков»; «не сходила у всех с ума... Донщина» — «не выходила ни у кого из головы... Донщина»; «Гребни вражеских окопов грозили молчанием» — «Гребни вражеских окопов угрожающе молчали»; «Поблагодарив его за заботы» — «поблагодарив его за хлопоты»).

Борясь за чистоту, ясность, точность языка, Горький приводил особенно много примеров «изысканной витиеватости словесного рисунка», искусственного стремления к «оригинальности стиля». Изысканная словесная витиева-

¹⁾ М. Горький. О литературе. М., ГИХЛ, 1935, стр. 131.

тость, надуманные фальшивые выражения проникли и в первые части «Тихого Дона». Редактируя вторую книгу романа, Шолохов так же освобождался от вычурных, усложненных образов («проспект кишел многолюдьем» — «проспект кишел людьми»; «рдяным светом сочился раскаленный уголь» — «рдяно горел раскаленный уголь»; «билась чечетка выстрелов» — «дробно грохотали выстрелы»; «арбузной коркой морщился от улыбки Абрамсон» — «морщился от улыбки Абрамсон»; «месил глазами» — «глядел», «время помахивало куцыми днями» — вычеркивается).

От редакции к редакции Шолохов добивался того, чтобы каждая фраза, каждое слово наиболее точно выражали смысл эпизода, сцены, образа. Часть поправок, внесенных во вторую книгу романа, связана с желанием писателя уточнить смысл: слово или целое выражение заменяется другим, более точным («Обуглившееся лицо» — «Осунувшееся лицо»; «легковесной походкой» — «легкой походкой»; «Распорядившись о чае, вошел пан» — «Распорядившись подать чай, вошел пан»; «отосланный в сторону взгляд» — «отведенный в сторону взгляд»; «Твердым во всю ступню вольным шагом прошел чуть сутуловатый Каледин» — «Твердым во всю ступню волчьим шагом прошел чуть сутуловатый Каледин»; «У окна, на подоконнике, вцепившись в колено своей согнутой ноги, сидел Абрамсон» — «У окна, на подоконнике, скрещенными пальцами поддерживая колено своей согнутой ноги, сидел Абрамсон»; «смерил его ненавистным взглядом» — «смерил его ненавидящими глазами»; «Пантелей Прокофьевич гремел обмерзшими подшитыми валенками» — «Пантелей Прокофьевич постукивал обмерзшими подшитыми валенками» и т. д.).

Добиваясь выразительности, четкости мысли, Шолохов освобождает язык романа от лишних слов и оборотов: «под опущенными веками (глаз)»; «ниже волос (головы) белела узкая полоска лба»; «ворочая нездоровожелтыми белками» (глаз) и др.

Стремление писателя к языковой точности сказывается и в случаях устранения неудачно использованных союзов, предлогов, личных местоимений (Шолохов избегает стечения их). Особенно часто заменяется другими предлогами предлог «над» («Над линией железной дороги» — «Вдоль линии железной дороги»; «проходя над цепью» —

«проходя вдоль цепи»; «Над дорогой в золе копались куры» — «У дороги в золе копались куры»; «двое перебежали по над забором» — «двое перебежали вдоль забора» и т. д.

Часть исправлений, внесенных во вторую книгу романа, связана с заменой обратного порядка слов в предложении прямым. Чаще всего такие исправления внесены в авторские слова, следующие за речью персонажей («— Ты как будто взволнован, — испытующе посмотрел на него Меркулов» — «— Ты как будто взволнован, — Меркулов испытующе посмотрел на него»; «— Ты к чему это? — сощурился Чубатый» — «— Ты к чему это? — Чубатый сощурился»; «— Прощевай! — скособочил голову Христоня» — «— Прощевай! — Христоня скособочил голову»; «— Кто же будет судьей? — поднял брови Каледин» — «— Кто же будет судьей? — Каледин поднял брови»; «— Врешь?! — испуганно крутнулся в седле Голубов» — «— Врешь?! — Голубов испуганно крутнулся в седле» и т. д.

От редакции к редакции возрастали требования писателя к языку художественного произведения. Подготавливая в 1953 году новое издание «Тихого Дона», Шолохов проделал более значительную, чем в прошлом, работу над языком романа. Как и раньше, писатель очищает язык романа от засорений, освобождается от областных слов и просторечных выражений, устраняет следы языковых искажений, имевших место в советской литературе в годы создания первых книг «Тихого Дона». Считая, что «писать надо на общепринятом литературном языке», Шолохов вместе с тем указывает: «Употребление местных диалектов в какой-то мере допустимо, но надо это делать умело и со вкусом». «Злоупотребление диалектами в произведениях литературы, — говорил Шолохов, — считаю бесспорно слабостью. В новом издании я очищаю свои книги от местных слов»¹⁾.

Подготавливая роман к новому изданию в 1953 году, Шолохов сохраняет, как и в «Поднятой целине», жизнеспособные диалектные слова и местные обороты и решительно отказывается от употребления малопонятных, художественно не оправданных диалектизмов. Он или совсем опускает их или заменяет словами из общепринятого литературного языка.

¹⁾ «Литературен фронт», София, 1951, 12 июля.

Значительная часть исправлений, внесенных во вторую книгу романа, падает на авторский язык (пригинаясь — пригибаясь, тянкий запах — тягучий запах, цевкой — стружкой, накрывшись лохунами — накрывшись лохмотьями, блюкнув — булькнув, брухнуться — схватиться, испатлаченный — взлохмаченный. Как и в прежних изданиях, Шолохов продолжает освобождать авторскую речь от натуралистических образов, изысканных, вычурных образных средств, нарушавших цельность реалистического стиля романа («нудная кисла тишина», «раздел мелкие... зубы» — «обнажил мелкие... зубы»; увидел «белый обглоданный мосол высокой колокольни» — увидел «белую высокую колокольню»; «ветер пресмыкался над землей» — «ветер стлался над землей» и т. п.).

Значительная работа проделана писателем и над языком персонажей. Как и раньше, Шолохов освобождает речь своих героев, простых казаков, от вульгаризмов, грубых слов, от искажений литературной речи, ничего не дающих для их языковой характеристики. С этой же целью заменяются общепринятыми некоторые местные слова (забрухаются — подерутся, мурели в окопах — гнили в окопах, гребуешь — брезгуешь и др.).

В предшествующих изданиях казаки у Шолохова говорили: «лебеда», «шинеля», «жизня», «матерю», «издаля», «детешков», «товарищев», «друзьев», «окны», «ребяты», «сходятся», «отслужут», «прикончат» и т. д. Освобождая речь персонажей от подобных отступлений от общенационального языка, Шолохов сохраняет живую разговорно-бытовую речь как важное средство индивидуализации характеров героев. Однако в целом ряде случаев исправления, внесенные в издание 1953 года, обедняют речь персонажей, лишают ее сочности и выразительности.

Сознавая большую ответственность за состояние советской художественной литературы, Шолохов своей постоянной работой над печатным текстом «Тихого Дона» подает пример взыскательного отношения художника к слову, к нелегкому творческому труду. Вслед за Горьким Шолохов продолжает те традиции в отношении литературного языка, которые сложились в русской классической литературе.
